

ЛЮБОВЬ

ОКСАНА ХВАЩЕВСКАЯ
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «ПЕРВАЯ ГЛАВА»

Издательство
РЕГИСТР

Оксана Александровна Хващевская

Не любовь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9527927

О. А. Хващевская. Не любовь: Регистр; Минск; 2015

ISBN 978-985-7097-15-9

Аннотация

Роман «Не любовь» Оксаны Хващевской – остросюжетное произведение с глубокой нравственной подоплекой, отвечающее на извечный вопрос мужчин: «Чего все-таки хочет женщина?» Первое чувство в жизни героини приводит к глубоким разочарованиям. Словно одержимая одним человеком, она не замечает ничего и никого вокруг, и любовь становится пыткой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	77
Глава 8	91
Глава 9	109
Глава 10	126
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Оксана Хващевская

Не любовь

© Хващевская О. А., 2015

© Оформление. Издательство «Регистр», 2015

* * *

Глава 1

Когда на землю легли ранние зимние сумерки, а на краю неба зажглась первая звезда, рейсовый автобус наконец прибыл в деревню Старые Дороги, остановился у поворота, и Мирослава Ярославская легко спрыгнула с нижней ступеньки на обочину. Снег хрустнул под подошвами ботинок. Передернув плечами, девушка небрежно поправила ляжки объемного рюкзака за спиной и, подождав, пока автобус тронется с места, зашагала вперед.

Старые Дороги были небольшим селением с обычными бревенчатыми домами, разбросанными по обе стороны извилистой асфальтированной дороги. Их маленькие оконца светились теплым светом, а в небо поднимались белесые столбы дыма и не торопились рассеиваться в воздухе.

Мороз крепчал. Зима рано пришла в этом году, заморозила, околдовала выюгами и метелями, засыпала снегом.

Здесь, в деревне, вдоль дороги высились сугробы. А дальше, до самого леса, укутанные в белоснежные покрывала, лежали поля и луга. И лес стоял уснувший, словно одетый в белые меха... Снег блестел, серебрился и казался мягким, невесомым, словно пух.

Ускоряя шаг, Мира свернула с дороги на узкую тропинку, что вела к небольшому домику с зелеными ставнями и шиферной крышей. Дворик от улицы отгораживал низкий за-

бор из частокола с такой же низкой калиткой. Девушка просунула руку в щелку, подняла вверх железный крючок и открыла калитку.

Все четыре окошка в доме светились. Мирослава пробежала дворик, преодолела ступени небольшого крыльца и потянула на себя входную дверь, сколоченную из простых обтесанных досок.

В темных сенях, где зимой было почти так же холодно, как и на улице, она громко потопала на месте, сбивая снег с подошв, и вошла в дом.

Яркий свет резанул по глазам, когда девушка переступила порог, и ее, как волной, обдало теплым воздухом с невероятным и до боли знакомым ароматом борща с белыми грибами, который баба Нина всегда варила только в печи.

Закрыв за собой дверь, Мира сразу же оказалась в объятиях бабушки.

– Унучачка мая! – всплеснула руками старушка, разглядывая ее подслеповатыми глазами. – А я ж думала, ты заўтра прыедзеш!..

– Я решила, что сегодня мне совершенно нечего делать в школе, и не пошла! – беспечно заявила Мира.

– И в самом деле, зачем тебе школа? – слышался голос из глубины дома. – Подумаешь, оценки зачитывать будут! Тебе-то небось особенно радоваться нечему! – Тон, которым все это проговорилось, был ужасно самоуверен и несколько ироничен.

– Степик! – узнала девушка.

– Мира! – услышала в ответ, а немного погодя смогла и разглядеть своего двоюродного брата.

Он стоял, опершись плечом о дверной косяк, скрестив руки на груди, и плутовская улыбка играла на его смазливом лице.

– Привет! – улыбнулась ему Мирослава и, сбросив на пол рюкзак, стянула с головы вязаную шапочку. Светлорусые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. – И давно ты здесь? – поинтересовалась.

Ее щеки разругались от мороза, и даже кончик носа покраснел.

Хрупкость телосложения делала Миру похожей на ребенка, но Степик сразу отметил произошедшие в ней перемены. Они не виделись, кажется, целый год. Ну да, у него не получилось приехать сюда прошлым летом. Чтобы закрепить английский, Степан Рудинский уехал на все лето в Лондон. Подрабатывая то официантом, то курьером, он смог попрактиковаться в произношении, расширить круг знакомств, а заодно и подзаработать немного денег. Но они, конечно, периодически созванивались и не теряли связь друг с другом.

Мирослава повзрослела и уже не была тем угловатым, худым, немного неуклюжим подростком. Она стала юной, прелестной девушкой. Тонкий овал лица. Чистая кожа, бело-розовая, как лепестки яблоневых цветов. Темные брови, ломаной линией взметающиеся к вискам. Аккуратно вылеплен-

ный носик. Рот широковат, зато чуть припухшие губы красиво изогнуты. И глаза... Степик не мог взять в толк, откуда они у нее такие. Миндалевидной формы, в обрамлении пушистых темных ресниц. Непроницаемые, бездонные, как лесные озера. Живущие какой-то своей, особенной жизнью. Серо-голубые.

– Я приехал вчера. А ты думала меня обставить?

Девушка состроила рожицу и, засунув шапку в рукав куртки, повесила ее на гвоздик у входа.

– Мираслава, ну як вы жывяце? Матка работае? – спросила ее бабушка, когда они уселись на длинную лавку у окна.

– Да, бабуль! У нас все нормально. Мама работает, папа тоже. Мама вроде собиралась приехать на Новый год. Степик, а твои родители приедут?

Братец небрежно пожал плечами:

– Места здесь для них всех как-то маловато будет!

– Ты не хочешь, чтобы они появлялись здесь?

Степик отрицательно тряхнул головой.

– А я люблю, когда мы все вместе собираемся. Так весело и прикольно.

– Да? – парень насмешливо приподнял темные брови. – Вот уж не вижу ничего прикольного. Как вспомню, как в прошлом году они долбали меня своим контролем...

– Так ведь по делу, Степик! По делу! Если бы они тебя не контролировали, ты бы точно женился на Наташке! – улыбнулась Мира. Легкая, задорная улыбка удивительно преоб-

ражала ее несколько серьезное лицо.

– Ой, ну прям уж! – запротестовал Степик.

– Вы же были, как слон и моська. Причем моськой был как раз ты, братец! – поддразнила его девушка.

– И что??? И что??? Женщины ценят мою миниатюрность!.. А у Наташки зато пятый размер! В отличие от некоторых... – он выразительно покосился на Миру, у которой, конечно, был не то чтобы пятый, но даже и не второй.

– Нахал! – притворно возмутилась девушка.

Пододвинувшись к столику под образами, где обычно кушали, она открыла рюкзак и стала выкладывать гостинцы: печенье, конфеты, мандарины...

– Унучачка мая, не трэба было нічога везці! – заговорила бабушка, наблюдая за ее действиями. – Вон і Сцяпан учора навёз разнага, а хто яго есці будзе?

– Бабушка, ну как же я к тебе без гостинцев! Этот жулик небось с французскими трюфелями пожаловал! – кивнула девушка в сторону Степика.

– А то! Кстати, твоими любимыми. Привез побольше, а то, помнится, в прошлый раз ты их одна за вечер и умяла!

Мира хмыкнула в ответ и, подогнув под себя ногу, одернула коротенькую толстовку.

Степик отлепился от косяка и опустился на табурет у стола. А баба Нина, тяжело поднявшись, отправилась хлопотать к печи и скоро уже доставала железным ухватом чугунок с борщом.

– Я рад, что ты приехала сегодня, – чуть подавшись в ее сторону, негромко сказал парень. – Вчера целый вечер пришлось просидеть дома, и весь вечер бабуля пыталась меня про тое да про сёе! Сегодня твоя очередь.

– А куда ты собрался? – любопытствовала девушка.

– Да так, пройду по деревне.

– Кто-нибудь из твоих друзей приехал?

– Леха должен. Ты машины не заметила возле дома Поляковых?

– Я в начале деревни вышла. А кто еще приедет?

Степик пожал плечами и пододвинул к себе тарелку с ароматно дымящимся борщом, которую баба Нина поставила перед ним.

Мирослава последовала его примеру.

А бабушка отправилась в сени и вернулась оттуда с вяленным мясом. Таким сухим и просоленным, впитавшим в себя солнечные лучи прошлого лета и пряные ароматы всевозможных трав, развешанных пучками в сенях под потолком.

Бабушка собралась было нарезать мясо сама, но Степик не выдержал.

– Бабуль! Садись лучше с нами! Я сам порежу мясо! – сказал он, выходя из-за стола.

Степик взял нож, разделочную доску и, повертев в руках кусок мяса, будто прикидывая, с какой стороны начать, принялся за дело.

– Сцяпан, а мо вам з Міраславай патрохі настойкі наліць?

Яна ў мяне яшчэ з лета стаіць! Смачная! Чарнічная! Я туды трохі водачкі ўліла, штоб крапчэй была. Будзеце?

Мирослава хотела отказаться, но взглянула на Степика, который отчаянно кивал, и согласилась.

Баба Нина принесла трехлитровую банку настойки и налила им по стопочке, которые Степик предусмотрительно достал из столика.

– Бабуль, ты ведь нам составишь компанию?

– Ой, мой унучак! Вы ж маладыя, вы піце, а ў мяне тады галава балець будзе!

– Бабуль, ну всего по пять капель, за компанию! – не отставал Степик, при этом, ловко орудуя ножом, нарезал мясо соломкой. Закончив резать, он разложил его на блюде, помог бабе Нине сесть, налил ей немного настойки и пододвинул Мире ее стопку.

– Ну, давайте выпьем за дам, раз вы в большинстве! – произнес Степик и, чокнувшись с бабушкой, потянулся к сестре. – А за тебя мне особенно хочется выпить! – добавил он.

– Это еще почему? – удивленно вскинула она брови.

– Потом скажу! – пообещал Степик и одним махом осушил стопку.

Мирослава же так пить не умела. Ей обязательно надо было понемножку, распробовать, поддержать во рту...

– Вкусно, – сказала девушка.

– Ниче так! – согласился с ней братец.

– Можа, яшчэ па адной?

Степик, конечно же, собрался ответить положительно, но Мира опередила его:

– Нет, не нужно. Голова уже и так закружилась.

Рудинский скорчил презрительную гримасу, а Мира в ответ показала язык.

Она на семь лет была младше двоюродного брата. То есть, когда она родилась, Степан Рудинский уже пошел в первый класс, а когда она пошла в школу, он уже был подростком, которому должно было бы наплевать на свою соплячку-кузину.

Но, во-первых, Мира Ярославская даже в семь лет существенно отличалась от девчонок-первоклашек, которых ничего, кроме кукол, подружек, мультяшек и конфет, не интересовало; а во-вторых, и Степик в четырнадцать лет не был тупым и эгоистичным подростком.

Конечно, большую часть времени он проводил со своими друзьями. Но и для маленькой Миры у него всегда находилось время. Степик качал ее на качелях, помогал ей убираться в бабушкином домике, ходил вместе с ней за ягодами, учил мастерить рогатки и свистеть не хуже заправского разбойника. Именно он научил ее играть в карты и показал некоторые шулерские штучки. Они оба были единственными детьми у родителей, может быть, поэтому и стали так близки.

Степик Рудинский, по мнению сестренки, представлял из себя беспечного донжуана и хамоватого себялюбца. Но у

него была такая открытая улыбка, а в прищуре карих глаз – столько обаяния, что устоять перед ним было просто невозможно. Всегда неброско, но дорого и со вкусом одетый, стильно подстриженный, с маникюром на тонких пальцах, он, вместе с тем, запросто приспособивался к деревенской жизни. Мог рубить дрова, таскать воду из колодца, топить грубку.

Когда с борщом покончили, баба Нина заварила чай, который пили с конфетами.

Потом Степик ушел. Мирослава с бабушкой остались вдвоем.

Мира любила такие вот долгие зимние неспешные вечера в маленьком домике бабы Нины. Присутствовало во всем этом некое особое, ни с чем не сравнимое очарование. За бревенчатыми стенами ветки потрескивали от мороза, а в комнате было тепло и уютно. Баба Нина брала в руки крючок и клубки ниток, и постепенно, потихоньку из ее рук выходили яркие круглые половики, которыми были устланы полы в доме.

Старушка неспешно вязала, прищурив подслеповатые глаза, и вспоминала прошлое, прожитое, когда-то важное, делясь с внучкой воспоминаниями...

А та забиралась на высокую кровать с железными спинками, подбирала под себя ноги и зачарованно слушала...

Потом девушка постелила себе постель на старой узкой жесткой кровати за грубкой, отгороженной от комнаты сит-

цевой цветастой занавеской, и, переодевшись в штанишки и футболку, с книжкой легла.

На каникулы задали много читать, и Мирослава захватила с собой «Мастера и Маргариту».

Бабушка еще выходила на улицу, чтобы позвать в дом кота, посматривала на часы, беспокоясь за Степика, долго вглядывалась в темноту за окном, когда по дороге проезжала машина...

Мира немного почитала и позволила бабе Нине погасить свет.

Но спать совершенно не хотелось. Она лежала на боку и сквозь тонкий ситец занавески вглядывалась в светлое пятно окна и слышала, что и бабушка тоже не спит, думает, наверное, о чем-то и тяжело вздыхает. А маленький домик постепенно наполнялся ночными звуками и шорохами, существенно отличающимися от тех, которые девушка привыкла слышать у себя дома.

Вот мышь заскреблась под полом...

Вот треснули обои на стене...

Вот кот зашевелился на печке...

Вот скрипнул снег за стеной...

И сверчок, который всегда жил за печкой, проснулся и подал голос...

Все эти звуки были так непривычны, но знакомы с детства и неотъемлемы от этого места, как и все остальное.

И Мира вслушивалась в эти звуки, и они казались ей ко-

лыбельной...

Она вообще-то собиралась дожидаться Степика, но побороть сон, наплывающий из темноты, не смогла. Веки отяжелели, глаза закрылись...

Мира уже задремала, когда что-то ее толкнуло, словно изнутри, и она открыла глаза.

Сердце испуганно колотилось в груди, дрожь пробежала по спине, а она даже не сразу смогла вспомнить, что же разбудило ее.

Шаги. Она услышала шаги. Прямо за стеной домика кто-то ходил.

Раз-два, раз-два, раз-два... – скрипел снег под ногами.

Мирослава приподнялась на подушке и отодвинула занавеску. Она хотела разбудить бабушку, но, оказалось, старушка не спала. Согнувшись, она стояла у окна, пытаясь в нем что-то рассмотреть.

– Бабуль, – шепотом окликнула ее девушка. Почему-то стало жутко. – Ты чего?

Бабушка обернулась.

– Ходзіць хтосьці па двару!

– Кто?

– А калі б я бачыла! Чула толькі крокі, а покуль устала, гляджу, нікога няма. Толькі варона спужалася, сарвалася з галіны, і снег пасыпаўся...

– Я тоже слышала шаги за стеной. Зачем кому-то ходит вокруг нашего дома?

– А каб я ведала, мая ўнучачка! Толькі нашы бабы кажучь, што на хутары бачылі агні. Відаць, зноў нячыстая сіла кружыць над дзярэўняй. І Сцяпана няма, а хата незачынена! Вой, вой! Дзе ж ён ходзіць?! – баба Нина отошла от окна и стала креститься на икону.

Хутор был дурным местом. Гиблым. Так издавна считали в деревне. Расположенный немного в стороне, в километре от Старых Дорог, в лесу на пригорке, он будто сам схоронился от деревенских. Небольшая речушка служила своеобразной границей территории. Когда-то через нее перекинули мостик, но потом разобрали.

Жители деревни сторонились этого места. Еще до войны на хуторе поселилось несколько репрессированных еврейских семей из Смоленска, тоже не горевших желанием общаться. Они жили обособленно, сами по себе, и не желали впускать кого-либо из местных в свой круг. Деревенские отвечали им тем же. В войну хутор сожгли. В Старых Дорогах не знали, куда подевались его жители, да и не особенно интересовались. Тогда и своих бед хватало. Но позже, когда на пепелище обосновался старый еврей и возвел новый хутор, все узнали, что он один из тех, репрессированных, врагов народа. Времена тогда были такими или сознание людей, но и после войны ничего не изменилось для него и его семьи. Их так же сторонились, с ними так же не общались, более того, как это может быть только в деревне, хутор и его хозяева постепенно обрастали слухами, сплетнями, историями. Их

уединенность и нелюдимость порождали людское любопытство, зависть, враждебность. Поэтому и молва о них недобрая возникла. Так уж повелось: что бы ни случилось в деревне плохого, винили жидов с хутора. Подошли куры – они наслали порчу. Корова не дала молока – опять их рук дело. Бычок зашел на болото и утонул – проделки жидов. Кто-то нашел под лавкой засохшую куриную лапку или разбитое яйцо – так и знай, жди несчастья. Девку замуж не берут – значит, заговорили на венец безбрачия. Кто-то находил песок с могилы у себя на крыльце, кому-то подбрасывали цветок из траурного венка. А кто-то пустил слух, что на хуторе не брезгают и черной магией...

Мире с детства внушали, что от хутора лучше держаться подальше. Баба Нина и мама рассказывали много такого, от чего потом девушка не одну ночь не могла уснуть. Но мама же и говорила, кем бы ни были люди с хутора, но и они гуляли свадьбы и умирали, рожали и растили детей. Они тоже жили...

Старый еврей давно умер, а сыновья его обзавелись своими семьями. Какое-то время на хуторе еще жил старший сын, но и он съехал. Хутор для них стал чем-то вроде дачи, куда они время от времени приезжали. И каждый раз их приезды приводили деревенских в тревожное волнение. Из деревни хутор был не виден. И лишь дым из дымохода, единственный, выдавал присутствие хозяев...

Мире захотелось зарыться с головой под подушку, а свер-

ху еще и одеяло натянуть, а еще лучше забраться к бабушке на кровать, вместе все-таки не так страшно было бы...

Вдруг по деревне и вправду нечистая сила гуляет? Ночи сейчас, в канун Нового года, необыкновенные, в такие обычно чудеса случаются, ну и не чудеса, конечно, тоже... Ведь кто-то все-таки ходил вокруг дома.

Бабушка снова легла, Мира уселась на кровати и натянула одеяло до подбородка. Сидя так, она вслушивалась в тишину, ругала Степика за пофигизм и отчаянно желала, чтобы он поскорее вернулся.

Глава 2

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Мира услышала, как открылась входная дверь и скрипнула половица. Степик на цыпочках пробрался к своей кровати, что стояла за печкой в передней комнате. От общего помещения ее отделяла цветная занавеска. Этот закуток бабушка использовала под своеобразную кладовку, храня там мешки с сушеными яблоками, грибами, семечками, какие-то вещи, подушки, но когда приезжала родня, все убиралось, освобождая спальное место. Мира и Степик еще в детстве определились с выбором комнат. Она, будучи помладше, спала ближе к бабушке. А Степик как старший ночевал ближе к дверям, чтобы уходить и возвращаться, никого не беспокоя.

Мирослава подождала минуту, давая возможность братцу перевести дыхание и раздеться, а потом отбросила в сторону одеяло и подкралась к спинке кровати. Здесь, за грубкой, стены, разделяющей обе комнаты, не существовало. Когда-то стояла большая грубка, построенная, кажется, еще после войны, по прошествии времени ее перестроили, сделали меньше, и образовался проем. Зимой его закладывали дровами, а летом Мира и Степик запросто пользовались им, чтобы пробираться друг к другу.

– Степик! – шепотом позвала она брата в щель между дров.

– Чего? – прозвучало в ответ.

– Ты где был так долго?

– Что? Слушай, давай не шепчи там, а перебирайся ко мне, поболтаем.

Выскользнув из своего закутка, девушка, стараясь не шуметь, прокралась в переднюю комнату, проскользнула за занавеску и забралась на кровать Степика. Тот как раз разобрал постель и стаскивал с себя свитер.

– Ну? Что в деревне нового? Друзья твои приехали? – спросила его, натягивая на колени одеяло.

– Приехали.

– И чего?

– Ничего.

– Ты что такой? Бабушка, между прочим, беспокоилась. Здесь такое было, когда ты ушел...

– И что было? – без особого интереса спросил Степик.

– Кто-то ходил вокруг дома! И не смей говорить мне, что это фигня. Мне не почудилось. Бабушка тоже слышала. Можешь завтра у нее спросить! Ты там, на улице, никого не видел?

– Нет. Мы прошвырнулись с парнями туда-сюда, но в деревне как будто все вымерли. Ну, мы и заглянули к внучкам бабы Мани. Гарик у нас парень новый, он приехал с Лехой, познакомили. Они были рады нам.

– Ну, еще бы! – съязвила девушка.

– А вот иронии не надо. И зависти тоже. Они нормальные

девчонки.

– Ладно, нормальные, так нормальные. Что дальше было?

Степик наконец разделся и нырнул под одеяло, стянув его с Миры.

– Степик! – запротестовала девушка и все же умудрилась отщипать кусочек. – Бабушка говорит, что нечистая сила бродит по деревне и что на хуторе огни видели...

– Там точно кто-то есть. Мы прогулялись немного в лес и действительно видели свет в окнах. И еще свежие следы на снегу. Тропинку так изрядно протоптали... Видно, ходили не раз. Но это вряд ли нечистая сила.

– А кто?

– Не важно.

– Слушай, Степик, ты думаешь, это те самые евреи?

– Не знаю, те самые они или какие-то другие, но их присутствие на хуторе одинаково нежелательно для деревенских!

– Ты веришь, что они были колдунами?

– Не говори глупостей!

– А что тогда?

– Не важно.

– Нет, важно! Ты знаешь про этот хутор что-то и не хочешь рассказать мне.

– Откуда? Так ты слышала, как кто-то шатался вокруг дома?

Девушка кивнула:

– Ты скрываешь от меня что-то. Давай, колись, братец!

– Ничего я от тебя не скрываю. Просто я тебе так скажу: у тех людей, которые жили на хуторе, нет повода хорошо относиться к деревенским. Помнишь, сколько лет их упорно сторонились здесь? А помнишь, как деда Языка нашли в канаве у Болотянки? И пусть он ко многим залезал в огород, чтобы поживиться, и не раз нарывался и получал заслуженно, но все же... Тогда ведь поговаривали, что не с сердцем у него стало плохо, а хуторские поймали его у себя на огороде и отбили почки! А помнишь, как у нашей бабули корову отравили? Между прочим, тогда ветеринар приезжал и экспертизу делали. Ей в самом деле подсыпали какой-то дряни. Все, что бы ни случилось в Старых Дорогах, происходило не без помощи хуторских. По крайней мере, в деревне так считали. И, поверь мне, не без основания.

– Нет, не может быть! – недоверчиво протянула Мира. – Что же они, бандитами были что ли? Почему так неприязненно относились к деревенским? Зачем все эти ужасы?

– Нет, бандитами они, может, и не были, но их родственников репрессировали! Вот они и мстили деревенским за прежние обиды!

– Да это бред! – не поверила девушка. – Не иначе, деревенские сами досаждали им, а они в отместку...

– Мира, ты что, веришь, что наша бабуля смогла бы кого-то обидеть? Наша или Лехина?

– Нет, не верю... – нехотя согласилась девушка.

– Когда старый еврей умер, в деревне вздохнули с облегчением. Его, между прочим, даже на кладбище деревенском не похоронили. Где-то в лесу, недалеко от хутора, есть две могилы – его и жены. Я тебе говорю, они нелюди! Так вот, он умер, но дом остался, и туда приезжают его родственники. А местные мальчишки однажды паренька оттуда выловили и сильно побили.

– Какие мальчишки? Когда? – испуганно спросила Мирослава.

– Давно. И мы с Лехой Поляковым были там. Он старше был, но нас-то – больше...

– Степик, но зачем?

– Да ты не думай, Мира, не за просто так! Знаешь, сколько он напакостил нам? Мы шалаш построим, утром приходим – он разобран. Сети поставим, проверяем – пусты. Так ладно бы пусты, так еще и порваны. Тарзанку повесим на дереве, он ее обрежет. И все шляется вокруг деревни, все что-то вынюхивает, выглядывает. Особенно по ночам любил погулять, шутник такой был, баб местных поугагать любил... То в тыкву свечку вставит, то простыню нацепит, а однажды выволок из леса коровий череп с рогами, нацепил его на палку, колокольчики повесил и в дом постучался. Темно было, ночью уже, бабулька открыла дверь, а там такое вот... Помнится, «скорую» тогда вызывали. А потом по деревне байки гуляют о нечистой силе. Мы и то сначала решили, может, и вправду, а потом... Знаешь, сколько ночей мы пролежали в засаде? И

все же выловили его и отделали хорошенько, по крайней мере, охота околачиваться по деревне у него отпала, да, видно, не совсем! – пробормотал последнюю фразу Рудинский.

– Что? – переспросила Мира.

– Ничего, так что ты не думай, мы его не просто так...

Он сам нарвался, ну а если погорячились немного, то это от злости!

– Но... Степик, а вдруг он... Вдруг он просто хотел подружиться с вами и не знал как?

Степик усмехнулся:

– Странный способ он выбрал, ты не находишь?

– А если бы он запросто подошел к вам и предложил дружить, вы бы приняли его в свою компанию?

– Вот еще! Конечно, нет! – решительно заявил Степик.

– Я так и думала! И он, я думаю, тоже это знал... Так что, ты считаешь подозрительным тот факт, что сейчас кто-то из них объявился на хуторе? Ты думаешь, кто-то с хутора ходил вокруг нашего дома? Тебя это беспокоит?

– Я вообще ничего не считаю. Просто хочу, чтобы никто из них не появлялся в деревне. И не хочу, чтобы опять что-то случилось! Тогда, лет десять назад, это были лишь детские шалости! Теперь мальчишка вырос, вдруг ему захотелось поиграть по-крупному? Слушай, давай не будем заморачиваться на ночь глядя! Дом-то на хуторе все равно принадлежит им. Ну, или их родственникам. А может, они его и вовсе продали кому-нибудь под дачу! Правда, я не пред-

ставляю, чтобы нашлись такие дураки, которые захотели бы купить этот дом! С такой-то историей...

– Нет, Степик, мне все равно не понятно, в чем эти люди виноваты?

Рудинский пожал плечами:

– Ты у бабули спроси, когда я родился, хутор уже был зоной отчуждения для Старых Дорог! А вообще мне кажется, все дело в том, что они евреи, и все!

– Так в деревне ведь не нацисты живут! Да и не антисемиты.

– Слушай, Мир, ты меня не грузи! И вообще, давай спать!

– Ладно! – согласилась девушка, хоть ей и хотелось еще поговорить.

Мирослава собралась уже слезть с кровати, но Степик неожиданно удержал ее за руку.

– Слушай, Мира, пообещай, что не сунешься на хутор!

– Я что, похожа на сумасшедшую? – возмутилась та и на цыпочках пробралась к себе. Впрочем, не стала бы утверждать это так категорично. Немного поразмыслив, она решила: на хутор не мешало бы заглянуть. И сделать это нужно прямо завтра. Не стоит откладывать.

Нет, разумеется, Мирослава не была отчаянно смелой и бесстрашной, но загадки и тайны манили ее, возбуждали любопытство. К тому же она терпеть не могла, когда ее считали маленькой и глупой и пытались отгородить от жизни...

Ей было всего семнадцать лет, и то, что происходило меж-

ду хутором и деревней, прошло мимо нее. Хотя слышала Мира множество всяких историй о хуторе, однако никогда не воспринимала их всерьез. Все эти рассказы скорее напоминали народные предания, а то и вовсе сказки. Хутор всегда оставался чем-то нереальным для нее, а теперь вот стал явью.

Мирослава еще долго ворочалась в постели и слышала, что и Степик тоже не спит, ворочается и вздыхает. И бабушка вставала за ночь не раз. Выходила попить воды, вглядывалась в ночь за окном, проверяла, вернулся ли внук, и тихо бормотала что-то себе под нос.

И брат, и сестра проснулись поздно. Бабуля уже успела напечь блинчиков и сварила наваристый густой куриный суп.

Степик, проснувшись первым, перегнулся через спинку кровати и закричал в щель между дровами:

– Подъем, соня, уже обед!

– Степик, ты достал! Ты мне всю ночь спать не давал! – недовольно пробормотала девушка, переворачиваясь на другой бок.

– Ого! Какие двусмысленные заявочки! – хохотнул Рудинский.

– Хам! – огрызнулась Мира, отрывая голову от подушки. Отбросив в сторону одеяло, она спустила ноги с кровати и, засунув их в комнатные тапочки, прошлепала к окну, на ходу убирая с лица непослушные пряди.

А за окном все сверкало и серебрилось в ярких лучах солнца. Голубая лазурь неба, кружева инея и длинные тени на снегу...

– Ой, на улице самая настоящая зима! – воскликнула девушка и невольно поежилась. Холода Мира не любила.

– Классная погодка! Мы сегодня с друзьями обещали девчонок на горку сводить! – Степик подошел сзади, натягивая на футболку свитер, и тоже глянул в окно.

Мира с удовольствием бы сходила на горку... Жаль, не с кем... Она не могла попросить Степика взять ее с собой. И друзья, и компании у них всегда, с самого детства были разные. Разница в семь лет в этом плане была ощутимой. Мира считалась маленькой для окружения Рудинского, а у самой здесь никогда и не было друзей.

– Унукі мае, – в комнату заглянула баба Нина. – Снеданне ўжо гатова, стыне. Хадземце, паядзім. Сцяпан, ты не замерз уночы?

– Нет, бабуль, нормально спал. А че, может, дров наносить еще за грубку? Или ты хочешь печь топить?

– Трэба печ затапіць! На вуліцы халодна, а бабы кажуць, што будзе яшчэ халадней! Я ўранні печ вытаплю, а вечарам грубку, і будзе цёпла! А то яшчэ памерзнеце ў бабы! Я к вечару кашы пшоннай хочу зрабіць, Міра яе любіць. На вячэру з малаком паясцё!

– Для Миры, как всегда, все самое вкусное! – проворчал Степик и, отвернувшись от окна, побрел в переднюю комна-

ту, где баба Нина уже наливала им горячего бульона. – Что за несправедливость!

– Вот повозмущайся еще, и я тебе ничего не оставлю! – усмехнувшись, сказала ему в спину девушка, следуя по пятам.

Они уселись за стол и тут же набросились на еду. Трапеза затянулась до полудня, поэтому и за водой к колодцу выбрались только после обеда.

Летом к колодцу вдоль заборов вела тропинка, сейчас же ее основательно и безнадежно замело снегом. Поэтому они вышли на проезжую часть, расчищенную и накатанную, блестящую, как стекло. Мира сделала пару шагов и, поскользнувшись, шлепнулась. Ведро с громким стуком отлетело в сторону, всполошив стаю ворон, а Степик обернулся и рассмеялся.

– Очень смешно! – обиженно буркнула девушка.

– Ты права, куда смешнее было бы, если бы ты упала с полным ведром! – беспечно отозвался Степик.

Мирослава состроила ему рожицу.

Степик отвернулся и пошел дальше, посмеиваясь, а Мира, с трудом поднявшись, поплелась следом, размышляя, какую бы гадость ему устроить. Сперва решила подножку подставить, но, здраво оценив собственные возможности, передумала. Зато слепила снежок. Хороший такой, большой и крепкий.

– Степик! – окликнула братца медовым голоском.

Рудинский обернулся, хоть и предполагал, что сестренка может устроить ему какую-нибудь «заподлянку». И не ошибся. Снежок полетел ему прямо в лицо. Он уклонился от снежка и ринулся к девушке, на ходу сгребая снег в ладони.

– Степик!!! – завизжала Мирослава и, откинув в сторону ведро, заметалась на дороге. – Степик, так не честно! Ты просто гнус!

– А кто говорит о честности? – смеялся тот.

Мира побежала к бабушкиному дому, намереваясь провернуть обходной маневр, чуть не упала, едва удержавшись на ногах, правда, очень ненадолго. Ее настиг снежок, разбившись о спину, а потом и Степик. Он толкнул ее и повалил в сугроб на обочине дороги.

– Степик, пусти! – заверещала девушка.

Она отчаянно отбивалась, но братец-то был сильнее. Он обсыпал ее снегом, так и норовя запихнуть его за шиворот куртки. Мира смеялась, визжала, загребала снег руками и бросала его в Степика.

Она первая вскочила на ноги и стала отряхиваться.

– Степик, я уже вся мокрая! – пожаловалась.

– Так и я не лучше! – возмутился Степик. – Но теперь мы квиты!

– Квиты, квиты! Ты мне лучше помоги отряхнуться!

– Ты лучше домой иди, я сам принесу воды. А то еще замерзнешь и заболеешь, как раз под Новый год!..

– Нет, все нормально! Не замерзну! Пошли ведра соби-

рать, а то люди подумают, что мы с тобой сошли с ума!

– Люди? Да где здесь люди! Не видать никого!

Мирослава огляделась по сторонам.

– Что значит, никого? Вон, смотри, кто-то идет! – сказала она, кивнув на идущего по дороге им навстречу мужчину. Но особого значения его появлению не придавала. Ну, идет себе человек и идет. Мало ли куда идет и зачем.

Гораздо больше ее заботило то, что бабушка небось уже волнуется из-за их долгого отсутствия.

И только когда мужчина поравнялся с ними, в глаза бросился низко надвинутый капюшон, словно специально скрывающий лицо.

Мира проводила незнакомца недоуменным взглядом и обернулась к Степику.

– Ты чего? – спросила его, заметив, как пристально брат смотрит вслед мужчине.

– Да так... – уклончиво ответил Степик, направляясь к разбросанным ведрам.

– Ты его знаешь? – не отставала девушка.

– Нет.

Баба Нина действительно волновалась. Закутавшись в пуховый платок, стояла на крыльце, высматривала внуков.

– Сцяпан! Міраслава! А дзе вы былі? Я ўжо думала, мо здарылася што! Думала, мо ў калодзеж зваліліся!

– Да нет, бабуль, все нормально! Мы с Мирой просто ре-

шили детство вспомнить! – улыбнулся Степик.

– А-а... ну давайте хутчэй у хату! – старушка с большой осторожностью повернулась на крыльце и взялась за ручку двери, но, как будто что-то вспомнив или только сейчас заметив, обернулась. – Міра, а што гэта ты нейкая мокрая ўся?

– Да это я так, бабушка! Мы со Степиком немного в снежки поиграли! – ответила Мира, а у самой зубы уже отбивали дробь.

– Ай-ай-ай! – укоризненно покачала головой баба Нина. – Якія сняжкі? Мароз вунь які на вуліцы! Давай у хату хутчэй і скоранька чаю гарачага! Во, толькі табе ў бабы захварэць не хватала!

Ожидая, пока Степик приготовит чай с малиной, Мирослава сбросила с себя мокрые джинсы и куртку, натянула вельветовые спортивные штанишки, теплые шерстяные носки и забралась к себе на кровать. Натянув одеяло на колени, отодвинула занавеску в сторону, намереваясь немного почитать, согреваясь. Степик и бабушка то и дело заглядывали к ней. Братец даже не раз дотрагивался до ее лба, проверяя, нет ли температуры. Их искреннее участие и забота были приятны.

Степик не пошел с друзьями на горку, как собирался. Вместо этого, устроившись у себя в закутке, тоже с книгой, нет-нет да и вытягивал шею, чтобы убедиться, что с сестрой все в порядке.

Глава 3

Мира не заметила, как уснула, согревшись и разомлев от тепла и чая. Разбудил ее громкий и решительный стук в дверь. Девушка открыла глаза, но не сразу смогла понять, утро или вечер сейчас, где и зачем так громко стучат.

В грубке трещали дрова, в передней комнате горел свет и звенела посуда.

Мирослава потянулась и села, не вставая с постели.

– Добрый вечер! – раздалось между тем дружное и громкое в передней комнате.

– Добры і вам! – отозвалась в ответ бабушка.

– А мы к Степику. Он дома?

– Дома, дома! Где ж мне еще быть? – из своего угла откликнулся Степик. Наверное, он, как и Мира, задремал. – Давайте раздевайтесь и проходите. Бабуль, это мои друзья. Леха Поляков, внук бабы Оли, и Гарик Юрьев. Он из Минска.

– Лёша? А я цябе і не пазнала. Ого, як ты вырас! К бабе прыехаў? Як яна там? Не хварэе? Марозы такія на дварэ, з дому страшна выходзіць! Ну, што там у вас чуваць на дзярэўні? – баба Нина тут же засыпала Лешу вопросами.

– А мы тоже дома! Бабушка простыла немного, никуда не выходит! Так что последних новостей не знаем!

– Прастыла? Ой, дак трэба даведацца! Трэба сказаць Мані

ды схадзіць праведаць Волю! Мае ўнукі сёння тожа во што ўчудзілі: у снезе выкачаліся, так за вадой схадзілі. Унучка, баюся, як бы не захварэла! Яна такая малая ды худая зусім! А вы праходзьце, праходзьце, чаго на парозе стаіцё? Распра-найцеся і праходзьце, я зараз чаю пагрэю!

– Степик, ты че это творишь? Чего это ты малую и худую внучку в снегу качаешь? И не стыдно тебе? – в шутку напал на Степика один из гостей.

– Так, ладно тебе, Гарик, давайте сюда ко мне! – позвал пришедших Степик, и они все ввалились к нему за занавеску.

Мирослава затаила дыхание, боясь шевельнуться, чтобы не выдать своего присутствия, в щелку пытаюсь рассмотреть гостей Степика.

– Степик, ты чего это не явился сегодня? Сам же вчера предложил девчонок на горку сопровождать, а отдуваться пришлось нам! – понизив голос, стал выговаривать братцу Гарик. – Они ведь притазились к нам ни свет ни заря, мы только с Лехой завтракать уселись, и потазили нас на горку! Ты говнюк, Степик. Они нас задолбали!

Мира подавила смешок и прикусила нижнюю губу.

– Да мы вообще спали до обеда! Бабуля нас не будила, а потом за водой пошли! А что, девчонки очень обиделись? Не выйдут вечером гулять?

– А куда они денутся? Они там что-то на новогоднюю ночь запланировали. Нам дали пионерское задание – срубить в ле-

су елку!

– Какую елку? Здесь елок отродясь не было! Может, им сосна подойдет, пораскидистей и попушистей?

– Так я им и предложил сосну, а они послали меня куда подальше с ней! Елку они хотят!

– Ладно, пройдемся по лесу, может, чего и отыщем! – согласился Степик и покосился в Мирину сторону. – Слушайте, вы сегодня не видели в деревне человека в серой куртке с капюшоном, надвинутым на лицо? – понизив голос, спросил он.

– Не-а, не видели! А что?

– Да странный какой-то чел. И, видать, не местный.

– Может, оттуда?

– Может, – неопределенно проговорил Степик и снова покосился в сторону. Ребята последовали его примеру.

– Ты чего туда все время смотришь? – спросил его Леша Поляков.

– Да так... – усмехнувшись, ответил Степик.

А Мира чуть не застонала от досады.

Все ее попытки взглянуть на парней ничего не дали. Сидеть и слушать их разговоры стало неинтересно, поэтому девушка, выждав еще несколько минут, решительно встала, оделась и вышла в переднюю комнату.

– Ой, бабушка! Как вкусно пахнет! А я такая голодная! – услышали парни глубокий и проникновенно-бархатистый голосок. И оба вопросительно уставились на Степика.

– Малая и худая – моя двоюродная сестра! – шепнул он им.

– Дак зараз, мая ўнучачка, чай будзем піць! Там у Сцяпана за шырмай хлопцы сядзяць, у госці прыйшлі! А я во кашу выцягну з печы!..

– Хлопцы? А я и не слышала! Все на свете проспала! – посетовал ангельский голосок.

Гарик поперхнулся. Леша поднялся, но заметив насмешливо приподнятые брови Рудинского, снова сел на кровать.

– Бабуль, я на минутку на улицу отлучусь!

Девушка набросила на плечи бабушкин пуховый платок, сунула ноги в бурки и, бросив украдкой взгляд на занавеску, вышла из дома.

Солнце уже зашло за горизонт, но его последние лучи размытыми золотистыми красками пронзали густую синеву неба. Сгушались тени, искрился снег, зажигались первые звезды. И была во всем этом такая невероятная торжественность. Таинственность сказки. Очарование тишины. Необъяснимое чувство свободы было почти осязаемо. Покоем и умиротворенностью дышало все вокруг. Мира любовалась пейзажем и испытывала непередаваемый восторг. Мир подходил на ожившие картины.

Спустившись с крыльца, девушка быстро сбегала в уборную. Задержавшись у забора, отделяющего двор от огорода, постояла немного, вглядываясь в темнеющую громаду леса

вдали. Где-то там, за огородами, лугом, речкой, под надежной защитой леса, раскинулся хутор. А в нем обитал неизвестный, отчего-то вдруг заинтересовавшийся деревней и домиком ее бабушки. Или, может быть, совсем не этим?..

Страх пробежал мурашками по Мириной спине. Сорвавшись с места, она бросилась обратно в дом.

Ребята пили чай в передней комнате, дружно устроившись за столом. Баба Нина сидела на маленьком табурете перед грубкой и задумчиво шевелила кочергой тлеющие угли.

Мира, принципиально не глядя на гостей, сбросила платок и бурки и протопала в дальнюю комнату, не увидев, как те одновременно повернули головы в ее сторону, потом подошла к бабушке и, присев рядом на корточки, протянула руки к теплу.

– Унучачка мая, накладывай каши себе! – повернулась к ней баба Нина.

– Она уже готова?

– Канешне, гатова. У печи, за заслонкай, бізенька стаіць!

Девушка кивнула, подошла к печи, открыла заслонку, взяла ухват, стоявший тут же в углу, осторожно, боясь обронить чугунок, вытянула его. Сходила за тарелкой и стала накладывать себе пшенной каши, ароматной, рассыпчатой, с хрустящей корочкой.

– Степик, может, ты нас познакомишь с девушкой? – не выдержал Гарик.

Мирослава и бровью не повела, хоть и услышала.

– Мир, ну и сколько ты будешь бегать туда-сюда? – обратился к ней тогда братец.

– А я разве бегаю? – удивленно захлопала глазами та, обернувшись. – Я по делу хожу!

– Ну, так уже перестань ходить и садись с нами за стол!

– Вам там самим тесно!

– Мы подвинемся! – подал голос Леша Поляков – блондин с модной стрижкой и голубыми глазами. Он вскочил со стула, вежливо освобождая место девушке.

– Говорят, в тесноте, не в обиде! – добавил широкоплечий брюнет. – Вы не стесняйтесь, мы нормальные парни и не обидим вас!

– А я и не стесняюсь! Просто не хочу мешать вашей мужской компании! – сказала Мира.

– Что вы, наоборот! Нашей мужской компании как раз и не хватает общества прелестной девушки!

– Гарик, а не ты ли полчаса назад уверял, что подустал от девчонок! – поддел его Степик.

– Так я еще не знал, что меня ожидает... – невозмутимо парировал Гарик.

– Степик, ты бы принес из дальней комнаты табурет, или Леша так и будет стоять? – пропустив мимо ушей перебранку парней, произнесла Мира и перенесла тарелку к столу, а потом и большую кружку с чаем.

– Леха, сходи за табуреткой! – кинул тому Рудинский. – Что ты стоишь, как будто в первый раз здесь!

Поляков принес табуретку.

– Давайте знакомиться, что ли! – тут же заговорил он. – Меня Лешей зовут, а ты Мира, да? Я помню тебя маленькой девочкой, с хвостиками, ты вместе с бабой Ниной приходила к нашей бабушке!

– И я тебя помню, – улынулась ему девушка.

– А я Гарик, – не отставал от него брюнет. – Вы меня, конечно, не знаете, я здесь впервые, но уже наслышан о вас.

– Мира.

– Будем знакомы, Мира! А ты гнус, Степик! – упрекнул друга Гарик. – Тебя послушать, так выходит, что тебе пришлось здесь нянчиться с малым дитятей!

– Степик, как ты мог! – добавил Леша.

– Да ладно вам, хватит прикалываться! Год назад она и была ребенком, откуда ж я знал, что снова увижу ее уже вот такой!

– Это комплимент, Степик? – невинно поинтересовалась Мирослава.

– Комплимент, – нехотя отозвался тот.

– А чем ты, Мира, занимаешься? – спросил ее Гарик.

– Учусь в одиннадцатом классе. И, опережая твой следующий вопрос, отвечаю: не знаю я, куда пойду учиться после и кем хочу стать. Как-то я со всем этим еще не определилась.

– Ты, что же, может, вообще никуда не собираешься поступать? – покосился в ее сторону Рудинский.

Мира неопределенно пожала плечами. Со своими оценка-

ми на вуз она не претендовала, а среднестатистические профессии вроде продавца, парикмахера или бухгалтера ее никогда не привлекали.

– Мать тебе не позволит! – убежденно заявил Степик.

– И чего ты заводишься? – лениво спросила его Мирослава.

– И правда, Степик, ты чего к девушке пристал? Ей еще целых две четверти учиться, определится. А не определится, так замуж выйдет. Это, вообще-то, сейчас даже модно! – бросился на ее защиту Гарик.

– Нет, замуж – точно не про меня! Я как-то сама по себе! И личное пространство мне очень дорого.

– О как! А о личном пространстве в школе рассказывают? – взвился Рудинский.

Отвечать девушка не сочла нужным. Склонившись над тарелкой, продолжила есть, то и дело поглядывая на обоих парней.

Они были такими разными.

Гарик казался самоуверенным и сильным. Сильным не только внешне. Серебристо-серые глаза его смотрели на мир прямо и открыто. Изгиб губ и ямочки на щеках могли свести с ума любую девчонку. Бесспорное обаяние, остроумие и юмор располагали и притягивали.

А в глазах Леши Полякова светилась неприкрытая доброта. Едва заметная улыбка на губах была искренней. И, может быть, он не обладал бьющим через край обаянием, но

и сдержанность его, и его спокойная уверенность вызывали восхищение. Ему сразу хотелось верить.

Оба парня понравились девушке, и уже через полчаса она болтала с ними совершенно свободно, отбросив скованность и стеснение, которые иногда ей очень мешали в общении.

Каша была съедена, чай выпит.

Мирослава убрала со стола и поставила на газовую плиту греть воду, чтобы вымыть посуду. А Степик принес из своего закуртка колоду карт и стал тасовать их.

– Мира, ты сыграешь с нами? – спросил ее Леша.

– Сыграю, – охотно согласилась та, бросив в сторону Степика быстрый взгляд. – А на что будем играть?

Парни переглянулись. Степик хмыкнул.

– Есть предложения? – заинтересованно молвил Гарик.

– Есть. Давайте на желание.

– Давай, – согласились Гарик и Леша.

– Боюсь, у меня с желанием может выйти загвоздка! – посоветовал Степик и стал раздавать карты.

– А у меня нет! – весело заявила Мирослава, беря в руки свои шесть карт, и, мельком взглянув на них, перевела взгляд на парней.

– Это потому, что ты еще юная совсем, у тебя живое воображение и несколько искаженное восприятие действительности! А чего мы можем пожелать в этой глуши? Пива нормального, и того нет! – пожаловался Гарик.

– У нашей бабушки есть отличная настойка, мы вчера со

Степиком дегустировали. Братец оценил ее по достоинству!

– Чего? Выпил, что ли, всю? – возмутился Гарик.

– Ага! Щас! Слышал, что Мира сказала, не хлебали настойку стаканами, а всего лишь дегустировали! Улавливаешь разницу?

– Улавливаю! Ну что, Мира, ты как дама начинаешь!

– А моя бабуля вчера нам с Гариком самогонки, самой настоящей, деревенской, наливала! Ты же знаешь, Степик, я алкоголь не очень уважаю, а самогонка и вовсе ассоциируется у меня с чем-то вонючим и не совсем качественным, но тут даже наш товарищ Гарик оценил!

– Ну да, хорошая была самогонка! Надо бы бабулю твою спросить, может, она нам к Новому году литр продаст?

– Да она нам так даст, я попрошу! Мира, а ты останешься здесь на Новый год? Или домой удерешь? – устремив на девушку взгляд голубых глаз, спросил Поляков.

– Нет, не удеру. Я приехала на все каникулы, – ответила она. – Мне нравится здесь! – добавила после секундной паузы.

– Тогда приходи к нам. Мы в новогоднюю ночь собираемся такой праздник закатить и собрать всю имеющуюся в деревне молодежь! Если они, конечно, в город не удерут!

– Пока никто о городе и не помышляет! Наш приезд произвел фурор!!! – похвастался Степик.

– Я приду, раз вы меня приглашаете! – согласилась Мирослава и улыбнулась Леше.

– Степик, ну ты придумал желание? – спросил Гарик, пытаясь заглянуть в его карты.

– А зачем? Да ладно, можете не напрягаться, парни. Мира придумала, она и выиграет! Я ее еще лет в семь научил играть в карты, а в жульничестве она даже меня превзошла!

– Я не жульничаю! – возмутилась Мирослава, правда, не очень убедительно.

Однако через полчаса она действительно выиграла.

– Все по-честному! – оправдывалась она, глядя на скептически приподнятые брови Степика. – Хотите знать мое желание? – с заискивающей улыбкой обернулась к Гарику и Леше.

Оба смиренно кивнули.

– Я на горку хочу! И прямо сейчас! – торжественно объявила она.

– Какая горка! Ты че, с ума сошла? – зашипел Степик и выразительно покрутил пальцем у виска.

– Степик, но она же выиграла! – возразил ему Поляков. – Значит, идем на горку!

Глава 4

К вечеру мороз усилился. Баба Нина что-то говорила о двадцати пяти градусах, но Мира могла поспорить, что куда больше. Было восемь часов вечера, когда они вышли из дома. Баба Нина, безусловно, пыталась вразумить молодежь, и Степик поддерживал ее в том, что не стоит идти гулять на ночь глядя да к тому же по такому холоду. Но Мира решительно настаивала на своем. Она хотела на горку!

На темном и ясном небе рассыпались звезды. Молодой месяц повис над заснеженным лесом вдаль, а вокруг него образовалась легкая полупрозрачная рябь облаков. Призрачно-голубоватый свет заливал окрестности.

– Брр! Кажется, градусов тридцать, не меньше! – поморщился Гарик, втягивая голову в плечи.

– Это точно! – поддержал его Степик.

Их замечания девушка пропустила мимо ушей.

– Степик, у бабушки есть санки? – спросила.

– А то! – хмыкнул тот и пошел за дом в старый сарай, где пылилось всякое барахло, копившееся десятилетиями, а также вещи, которые всегда могли пригодиться в хозяйстве. Через минуту он вернулся с санками, такими же древними, как и все здесь. – Сойдет?

Гарик, Мира и Леша дружно кивнули в ответ.

Они гуськом вышли на дорогу, в которой, как в зеркале,

отражался лунный свет.

Мира захотела проехаться по льду и почти сразу поскользнулась. Она упала бы, если бы Гарик не успел вовремя подхватить ее.

– Спасибо! – смущенно пробормотала девушка.

– Ее нельзя одну отпускать никуда! Только вышли – тут же падает. Сегодня за водой пошли: Мира на попе, ведро посреди дороги! – прокомментировал сие событие Степик. – Мир, ты там, у себя дома, как? Нормально? Сосулька на голову ни разу не падала?

– Не падала! У нас, между прочим, так скользко не бывает! – беззлобно огрызнулась девушка и, не спрашивая разрешения, взяла Гарика под руку. Тот был, разумеется, не против.

Так они и шли, Леша со Степиком впереди, а Мира с Гариком немного отставая. Девушка висла на руке парня и не оставляла попыток прокатиться. Гарик умудрялся еще курить и болтать, а Мира улыбалась и поглядывала по сторонам.

По бокам светились оконца деревенских домишек, отбрасывая желтый свет на снег. Мирослава, заглядывая в них, будто пыталась заглянуть в чью-то жизнь. Ее притягивало и завораживало это. Она и дома, часто всматриваясь в светящиеся окна чужих домов, пыталась представить, как и чем в них живут люди. Здесь, в Старых Дорогах, все было знакомо и дорого с детства, но именно здесь девушка чувство-

вала себя иначе, нежели в той деревне, где родилась и прожила все свои семнадцать лет. Она любила Старые Дороги со всей их историей, сказками, байками и загадками. Вряд ли девушку поняли бы ее сверстники и одноклассники, но Мирослава никогда и не пыталась им что-то объяснить. Она вообще предпочитала держать собственные мысли при себе. Будучи по натуре не очень общительной и скрытной, предпочитала обществу людей книги, хоть и не могла назвать себя мечтательницей.

– Мира, ты чего притихла? – спросил вдруг Гарик, заметив некоторую отрешенность спутницы.

– Да так! Ерунда разная в голову лезет.

– Что-то случилось? – не отступал Гарик.

– Да нет... – уклончиво ответила девушка, уверенная в том, что и Гарик, если она начнет делиться с ним тем, о чем думает, ее не поймет. А потом встретились девчонки и надобность в ответе отпала.

Девчонки вышли прогуляться по деревне, так сказать, подышать свежим воздухом перед сном. Это они так сказали. Но Мирослава подозревала, что вышли они в надежде выловить парней. Узнав, что те идут на горку, увязались следом.

За деревней дорога поднималась по холму вверх и, петляя, убегала куда-то вдаль. С этого холма катались все время. Спуск, плавный и долгий, начинался от края проезжей части и заканчивался у кромки леса. «Лететь» по нему – одно удовольствие, пусть несколько и опасное.

Лес огромной заснеженной громадой темнел внизу. Деревня слева светилась окнами, а дальше, где-то там, затерялся хутор.

На мгновение Мирослава пожалела, что загадала пойти на горку. Может, стоило рискнуть и попроситься на хутор?..

– Мир, ну чего ты? Поедем? – дернул ее за руку Гарик.

– Поедем!

Под одобрительные крики Леши и Степика и под нетерпеливое повизгивание девчонок они уселись на санки. Мирослава впереди, Гарик сзади. Девушка натянула на себя веревку, а Гарик обнял ее обеими руками и оттолкнулся. Санки полетели в темную бездну, набирая скорость.

Ледяной ветер ударил в лицо, сердце бухнулось куда-то вниз, перехватило дыхание. Гарик восторженно хохотал за спиной, а ей хотелось зажмуриться и завизжать.

Они летели, и темная громада леса становилась ближе...

Столкновение с сосной казалось неизбежным...

Зажмурившись, Мира завизжала и резко повернулась к Гарику. Санки тут же опрокинулись, и молодые люди оказались в сугробе, опасно близко от той самой сосны.

Гарик все еще смеялся, поднимаясь и помогая подняться и отряхнуться Мире, которая тоже хихикала, но скорее нервно, чем весело. Стоило лишь представить, что могло случиться после лобового столкновения с деревом...

А к ним уже неслись на пакетах и просто кубарем Рудинский, Поляков и девчонки, и их веселый смех и визг далеко

разносился в морозном кристально-чистом воздухе...

Мирой же овладевал лес. Темный, безмолвный, таинственный, укутанный снегом, с бледным, призрачным мерцанием лунного света и замысловатыми тенями. Гарик все что-то говорил, смеялся и отчаянно жестикулировал, но Мирю слава не слышала его. Она сделала шаг, другой, третий... Ступая прямо по сугробам, в которые проваливалась почти до колен.

Ее будто неудержимо что-то тянуло.

И, оказалось, не просто так.

Она увидела его сразу. Он стоял совершенно неподвижно, засунув руки в карманы куртки. Капюшон с меховой оторочкой был низко надвинут на глаза.

Прикусив губу, чтобы не закричать от испуга, Мира застыла на месте и, кажется, даже перестала дышать.

Он казался изваянием, подобно дереву, застывшему в снегу. Мирослава не могла видеть глаз незнакомца, но чувствовала взгляд, устремленный на нее. И холодок ужаса бежал по спине, и волосы под шапкой шевелились, и сердце оглушительно стучало в груди... Он гипнотизировал и притягивал ее, словно магнит... И она уже готова была преодолеть разделяющее их расстояние...

– Мира! – окликнул ее Гарик.

Девушка вздрогнула и резко обернулась.

– Мира, ты чего в лес пошла? Пойдем, будем на горку взбираться!

Мирослава снова посмотрела туда, где только что стоял мужчина в капюшоне, но никого не увидела. Он исчез, ушел, растворился, да и был ли вообще...

Мира повернулась и стала выбираться из сугроба по своим же следам.

Нет, не могло ей померещиться, ведь она ощущала на себе его взгляд...

Мира оборачивалась снова и снова, но так никого и не увидела больше.

Молодые люди еще долго катались с горки, смеясь и визжа от страха и восторга. И Мира смеялась, но как-то больше машинально. Мысли ее вновь и вновь возвращались к тому неизвестному и таинственному человеку. Кто он? Что делал в лесу? Наблюдал за ними или за ней одной? Но зачем? И снова – кто он? Кто он? Кто он?..

И потом, когда возвращались домой и Гарик снова взял ее под руку, уже по собственной инициативе, и что-то болтал, а девушка лишь неопределенно мыкала в ответ, почти не слушая, мысли об этой неожиданной и странной встрече в лесу не оставляли ее. Что-то все время крутилось в голове, но не могло оформиться во что-то конкретное. Только у самого дома Мира вспомнила то, что подсознательно не давало ей покоя. Эту темную куртку с меховой оторочкой на капюшоне она уже видела раньше. И не только сего дня днем, когда со Степиком дурачилась в снегу. Она видела его и вчера, в

автобусе, когда ехала в Старые Дороги. Где он вошел или уже был в салоне, когда она вошла, девушка не могла вспомнить. Но вышел он из автобуса, не доезжая Старых Дорог. И кроме него больше никто не вышел на той остановке. Занятая собственными мыслями, Мира равнодушно скользнула по нему взглядом и тут же забыла...

Она нервно потерла пальцами лоб, пытаясь сосредоточиться и понять, что происходит и зачем? Но сколько ни старалась, ничего не выходило.

Девушка не сомневалась, что в лесу видела того же самого человека, что и в деревне днем. А значит, только он мог бродить вокруг бабушкиного дома. Больше никому! Но зачем? Чего ему надо?

Он маньяк?! Он ее преследует?!

От ужаса даже коленки подогнулись, благо, Гарик вовремя успел подхватить.

– Мира, тебе плохо? – встревоженно спросил он.

– Нет, все в порядке... Это я такая неловкая... – пробормотала девушка.

– Ты не замерзла?

Она отрицательно покачала головой.

– Тогда, может, мы еще немного погуляем? Честно говоря, совсем не хочется, чтобы ты уходила!

– Эй, Гарик! – обернулся к ним Степик, который вместе с Лешей Поляковым шел на шаг впереди. – Никаких свиданий! По крайней мере, сегодня! Ты что, забыл, нас еще в од-

ном месте ждут!..

– Подождут! – буркнул в ответ Гарик, настроение которого в секунду испортилось.

– Нет, не подождут! Только не там! Тем более это важно!

– Вот так всегда! Стоит только встретить красивую девушку...

– Которой едва исполнилось семнадцать, да еще школьницу в придачу...

– Но зато с какими глазами!..

– О, ну это, что да, то да! Глаза у нашей Миры такие, что... – не мог не согласиться Степик.

– Вы закончили? – обратилась к ним Мирослава, которой не очень-то нравилось обсуждение собственной персоны в ее же присутствии.

– Я мог бы многое добавить! – сказал Юрьев.

– Ну, несомненно! – поддел его Рудинский.

– Тогда всем спокойной ночи и до свидания! Степик, пожалуйста, не задерживайся, бабушка будет волноваться!

– Мира, вы меня не ждите и дверь на клямку закройте. Я постучу, а ты мне потом откроешь!

– Ладно! – только и сказала девушка и легко сбежала по дорожке к калитке.

А через пару секунд парни услышали, как хлопнула входная дверь.

– Ну что, идем? – обратился Степик к друзьям.

– Конечно, – согласились те.

Засунув руки в задние карманы джинсов, Мира прошлась по передней комнате и опустилась на табуретку у стола.

Она не сомневалась: ребята пошли на хутор, а ее не сочли нужным взять.

А она тоже туда хотела!

Мирослава выпрямилась за столом и привычным жестом потерла лоб, потом встала и нахлобучила на голову шапку.

Придется ей самой отправиться на этот хутор и выяснить, что же в нем такого особенного!

Правда, при одной мысли о том, что по пути она может наткнуться на человека из леса, становилось дурно, но ничего не поделаешь, придется рискнуть! И если с ней что-нибудь случится, это останется на совести Степика!

У нее в запасе было совсем немного времени, поскольку вернуться необходимо раньше двоюродного брата, да еще не столкнуться с ним нос к носу где-нибудь на полпути.

Глава 5

Шагая по деревне, Мира то и дело оглядывалась, но улица была совершенно пустынна. Ни собак, ни людей. И окна почти все были темные. Деревня спала, лишь она одна шла, падала, поднималась и скрипела зубами от досады и боли, но все равно упрямо двигалась к намеченной цели.

Черные облака заслонили месяц над лесом, сразу стало темно и жутко. Мирослава вышла из деревни, прошла немного вперед, вглядываясь в темную громаду леса, пытаюсь разглядеть тропку. Степик вчера говорил, что она протоптана ими и тем, кто появился на хуторе. Мире пришлось основательно поднапрячься, чтобы отыскать ее. Да еще месяц, как назло, не желал появляться из-за туч. У тропинки девушка остановилась, понимая, что по ней идти никак нельзя. В любую секунду могли показаться ребята. Она ведь не знала, как надолго они собирались задержаться на хуторе. И с какими намерениями туда пошли. Вдруг они уже возвращаются и, встретив на тропинке ее, вряд ли придут в восторг... Да Степик вообще убьет ее. Так что следует быть предельно осторожной и внимательной.

Сугробы не пугали, они были мелочью по сравнению с тем, что могло ожидать Миру на хуторе. Тяжело вздохнув, она в них и полезла... Цепляясь за ветки, стала пробираться к хутору. Было страшно. Мерещились всякие тени и звуки, и

она постоянно оглядывалась... То снег за спиной неожиданно сыпался с веток, то дерево скрипело, то ветка ломалась и падала... А еще никак не проходило навязчивое ощущение, что из глубины лесной чащи за ней кто-то наблюдает...

Мира продолжала двигаться вперед на подгибающихся от страха ногах, готовая поверить, что хутор и в самом деле гиблое место, где по ночам бродит нечистая сила, и все время боялась заблудиться, сбиться с пути. Поминутно останавливалась и прислушивалась, чтобы не пропустить ребят, которые уже могли возвращаться.

Очень хотелось повернуть обратно. Но до деревни уже было далеко, а мелькающие между деревьями просветы придавали сил. К тому же почему-то она была уверена, что, решившись на обратный путь, увидит на снегу не только свои следы и тогда ее точно хватит удар.

Неизвестно, что ждет ее на хуторе, но назад она пойдет по тропинке, и черт с ними, с ребятами. В крайнем случае, придумает что-нибудь, соврет, если они все же встретятся.

Наконец лес закончился.

Девушка вышла на большую поляну. В центре, огороженный забором, стоял небольшой бревенчатый дом. Во дворе она разглядела крыши каких-то хозяйственных построек. Маленькие оконца в доме светились.

Это, собственно, и был хутор.

Мира стояла, смотрела на него и не знала, что делать дальше.

Ну вот! Увидела хутор. И что?

Наверное, стоило бы подкрасться поближе. Интересно все же, кто там живет?..

Держась деревьев, Мира прошла еще немного вперед и приблизилась к дальнему углу забора. Оглядываясь по сторонам, ежесекундно ожидала появления ребят, уверенная, что те наверняка затаились где-то поблизости. Вокруг царил тишина. Переступая с ноги на ногу, Мира засомневалась все же, сюда ли отправились парни. Может, есть еще один хутор? Может, он спрятан глубоко в лесу? Может, это про него ходят всякие страшные байки? Этот что-то никак не вяжется с нечистой силой!..

Мирослава еще раз огляделась, быстро преодолела расстояние до угла забора и с громко бьющимся сердцем прижалась к нему. Замерла на мгновение, затаив дыхание, огляделась снова, но ничего не произошло. Ее демарш не нарушил холодного безмолвия ночи и не привлек ничьего внимания. Это придало Мира смелости и немного подбодрило. Если повезет, может быть, она сумеет заглянуть в светящиеся окна. На большее вряд ли можно рассчитывать.

Едва дыша и морщась от скрипучего снега, девушка направилась вдоль забора вперед. Каждый шаг давался с трудом, но она продолжала идти...

Оставался последний шаг...

Мирослава выглянула из-за угла забора и сразу нырнула обратно, прижалась к нему.

В десятке метров от нее маячили Степик, Гарик и Леша. Они не прятались и вряд ли чего-то опасались, подпрыгивая и подтягиваясь на заборе, изо всех сил пытались заглянуть в окна. В те самые, в которые и она не отказалась бы глянуть...

– Степик, мать твою, мы уже полчаса сидим под этими окнами и чё? – возмущенно шептал Гарик, но так, что девушка прекрасно его расслышала.

– И ничё! А что ты предлагаешь? В дверь постучать и в гости поприсесть? Как бы нас не встретил там ствол дробовика! Послушай, Гарик, ну свет же горит! Значит, в доме кто-то есть и он не спит! Может, телик смотрит...

– А может, гуляет по «просторам» мировой сети! – поддел его Гарик.

– Слушайте, мне почему-то кажется, что кто-то просто издевается над нами! Уже почти час ночи! Пора бы уже погасить свет и лечь, тем более что никакого Интернета здесь и в помине нет и неизвестно, есть ли телик! – вмешался в разговор Леша.

– Но кто он? И зачем ему это нужно? – недоуменно спросил Гарик.

– Ты не догадываешься, Степик? – проигнорировав вопрос друга, Поляков обратился к Рудинскому. – Тебе не кажется все это до невозможности похожим на то, что было много лет назад? Да, пусть никто еще не стучал в окна к бабенькам и не таскал на палках коровий череп, звеня колокольчиками, но шаги ночью за стенами дома твоей бабуш-

ки... как-то подозрительны и странны. И свет на хуторе. Я почти уверен, что все это как-то связано.

– Ты всерьез думаешь... Нет, это фигня, Леха. Прошло столько лет. И мы ведь приезжаем сюда каждый год. Он мог бы, если бы захотел... Ему ведь уже под тридцать...

– Тогда что происходит?

– Я не знаю! Но узнать необходимо! Черт! Если бы не было так холодно, мы бы, как тогда, залегли в засаду и все узнали! А так... Не нравится мне все это! Очень не нравится!

Мира ловила каждое слово, боясь что-либо пропустить, и лихорадочно пыталась понять, о чем речь... Но в голове была полная каша.

– Подождем еще минут десять и домой! Завтра придем! Или придумаем что-нибудь! Я чувствую, у меня уши вот-вот отвалятся! – категорично заявил Гарик.

Степик и Леша сочли за благо промолчать. Не прошло и минуты, как позади себя они услышали поскрипывание снега и чье-то злобное рычание.

Как по команде, парни обернулись и увидели огромного лохматого пса, который, пригнув голову к земле, готовился к прыжку.

– Эй... – начал Степик, миролюбиво выставляя вперед ладони. – Ты кто? Дружок? Кузя? Ты ведь хорошая собака, правда? Умная, красивая псина... – лепетал он, медленно отступая к лесу, а Гарик и Леша, онемев от ужаса, шаг в шаг следовали за ним. – Вот умная псина! Лежать, собачка, ле-

жать...

Мира отступила вглубь. Если парни ее заметят, она пропала. А если удерут и не заметят, ей все равно конец. Собачка эта вернется и примется за нее...

А если Степик не застанет ее дома, когда вернется, разразится вселенская катастрофа, предсказать последствия которой Мира даже не решалась.

Ей просто необходимо уносить ноги сейчас, пока собачка занята парнями, глядишь, может, и удастся прибежать домой первой.

Собака сорвалась с места и, оглушая звенящую тишину звонким лаем, набросилась на ребят.

Они заорали и дали деру, уже не заботясь, засекут их хозяева хутора или нет, а у Миры подогнулись колени.

– Гарик, давай беги быстрее, собака догонит, задницу на фиг отцапает! – орал Степик, несясь впереди всех.

Они пробежали близко от девушки, но даже не обернулись.

Надо бежать! Скорее, быстрее бежать!

Отлепившись от забора, Мира собралась бежать следом...

Но... из-за угла показалась темная тень...

Тихо вскрикнув, Мирослава прижалась к забору и сжала руки в кулачки. Кровь тяжелыми ударами стучала в висках...

Темная, неподвижная, мрачная фигура мужчины во всем же надвинутом на лицо капюшоне возвышалась над ней. Было страшнее, чем в фильме ужасов. Хотелось закричать.

Мира открывала рот, но не смогла издать ни звука.

– Надеюсь, Вулкан не причинит им особого вреда, – неожиданно заговорил таинственный незнакомец.

Звук его голоса испугал девушку не меньше, чем весь облик. Просто не верилось, что такой звонкий, жизнерадостный голос, пронизанный веселыми искорками, принадлежал этому человеку.

– Они могли бы проторчать под окнами до утра, но все равно ничего не увидели бы, только отморозили бы себе что-нибудь. Так что будем считать, что я сделал им одолжение!

– Кто вы? – наконец выдохнула девушка. Получилось жалко и едва слышно.

– Не догадываешься? – улыбнулся мужчина.

– Нет...

– Друзья не поделились? Именно поэтому ты здесь, отдельно от них? Хочешь сама разобраться в происходящем?

– А что-то происходит? – смелее спросила Мирослава. Страх понемногу отступал, возвращалось самообладание.

Мужчина засмеялся.

– Определенно!

– Но вы не скажете, что именно.

– Почему? Скажу, но не сейчас.

– Вы убьете их, да?

Мужчина не переставал смеяться.

– Да плевать мне на них. Пусть развлекаются, если им охота.

Он вдруг поднял руку и протянул ее к Мире.

Девушка резко отшатнулась и больно ударилась головой о забор.

Его пальцы, горячие и грубоватые, коснулись ее холодной щеки. Он почти сразу убрал руку, как будто и сам удивился собственному порыву, а Миру словно обожгло.

– Вам не нужны они, – дрогнувшим голосом произнесла она.

– Нет.

– А я вам зачем? Я не знаю вас. Я не сделала вам ничего плохого.

– Хочешь сказать, что боишься меня? – мужчина усмехнулся. – Что-то верится в это с трудом! Если бы боялась, не стала бы шататься ночью по лесу! Даже мне было страшно!

– Вы шли за мной?

Не зря там, в лесу, ей чудилось чье-то близкое присутствие.

– Конечно. Здесь же волки водятся. Ты разве не знала?

– Нет, не знала. Я только про нечистую силу слышала, которая на этом хуторе обитает, но вы не кажетесь мне вышедшим из ада! Да еще про разбойничьи наклонности хозяев хутора рассказывали, но и в это мне верится с трудом.

Мужчина снова рассмеялся. Кажется, он был в отличном расположении духа и все происходящее представлялось ему весьма забавным.

– Господи, ну сколько можно! – ни к кому не обращаясь,

сказал он. И Мирослава неожиданно поняла, о чем он говорит. – Глупости все это!

– Я знаю.

– Правда?

– Да. Я думала, что на хуторе какой-то сумасшедший обосновался, но теперь...

– Что? Больше так не думаешь?

– Вы ведь не сумасшедший! И не бандит, и не маньяк! – с полной уверенностью заявила Мирослава.

– Нет. А кто я, как думаешь?

Он говорил и улыбался. Это походило на игру, увлекательную и интригующую. Скучно ему, вот он и нашел себе развлечение, но вместе с тем не насмехался, не иронизировал.

– Я не знаю. Наверное, вы хозяин этого хутора. Сын, нет, скорее, внук старого еврея, который здесь поселился после войны. Вы тот мальчик, которого обидели ребята, да? Я знаю, слышала, как они рассказывали об этом. Они обиде ли вас, да? Они заслужили сейчас... – неуверенно произносила она.

– Я уже говорил, мне плевать на них.

– Да, говорили... – невольно поежившись, согласилась

Мира.

– Тебе холодно?

– Да, немного, – на мгновение мелькнула безумная мысль о том, что, возможно, ее пригласят в дом.

– Тебе пора домой, – сказал он.

– Да, – согласилась девушка, вспомнив про Степика, который, конечно же, уже дома. И если он по какой-то странной случайности и не заметил ее отсутствия, то клямку уж точно не забыл защепить. Ей придется стучать, а потом объясняться, и желательно правдоподобно.

– Хочешь, провожу? – спросил незнакомец.

– Нет, по тропинке я добегу...

Оттолкнувшись от забора, Мирослава сделала несколько шагов к тропинке, мужчина не шелохнулся. Обернувшись, она захотела что-нибудь сказать на прощание, но он уже уходил вдоль забора к лесу.

А в маленьких окнах по-прежнему горел свет...

Мирослава бежала, не останавливаясь, до самой дороги, а перед глазами стоял мужчина, уходивший в лес, засунув руки в карманы куртки. И она склонна была думать, что к хутору незнакомец не имел никакого отношения, а к чему имел, не могла придумать.

Деревня спала.

Но в передней комнате бабушкиного дома светилось окно. И дверь не была заперта.

Мира вошла в сенцы, защепила клямку, прислушалась и, глубоко вдохнув, приоткрыла входную дверь.

Степик сидел на табуретке у стола и в полном недоумении разглядывал порванную штанину своих модных и дорогих джинсов.

Когда вошла сестренка, он поднял голову и зыркнул на нее из-подо лба.

– Ну и где ты шлялась? – спросил угрюмо.

Медля с ответом, девушка не спеша сняла рукавички, шапку и куртку.

– Тебе давно пора быть в постели!

– Вроде мне не десять лет! – беззлобно огрызнулась Мира. – И что сие значит? – спросила она, кивком указывая на порванные штаны. Хотя и без объяснений Степика все было очевидно.

– Этот урод спустил на нас собаку!

– Какой урод?

– С хутора!

– Так ты знаешь, кто там живет? – спросила девушка, стараясь не выдать волнения и заинтересованности. Погрев у печки руки, села на маленькую табуретку и стала развязывать шнурки на ботинках.

– Нет, не знаю! Но кое-какие предположения у меня имеются... – сказал Рудинский. – Я надеюсь, ты там не была? Впрочем, конечно, нет, если бы ты там была, точно нарвалась бы на того волкодава! Скажи спасибо, что бабуля спит, если бы она знала, что тебя нет дома...

– Знаю, знаю! Уже б все Старые Дороги были подняты на ноги.

– Вот именно. Вы чё, с Гариком все же успели договориться о свидании? Я-то думаю, чё это он так торопился!

– Ни о каком свидании мы не договаривались! Просто как-то мне тревожно стало, вот я и вышла на улицу, думала, вы вернетесь скоро, а потом услышала лай собаки... Это ведь на хуторе было?

– Да. Мы решили выяснить, кто там обитает.

– Выяснили?

– Нет.

«А я вот выяснила, кажется...» – подумала девушка.

– Джинсов, конечно, жалко! – сказала вслух.

– Да уж! Классные были джинсы! – вздохнул Степик. – В Англии покупал. Теперь придется выбросить! Но это что! Вот Гарика эта сволочь ухватила за руку! Наверное, прокусила! – посетовал.

Мира улыбнулась.

– Так ему надо теперь сто уколов от бешенства в живот сделать! – постаралась серьезно сказать.

– Издеваешься, да? Я бы поглядел, как бы ты смеялась, если бы побывала там! Мы уже с жизнью попрощаться успели! Никогда в жизни я так не бегал...

«Так я и была там!» – чуть не сказала Мира, но вовремя прикусила язык.

Интересно, а они еще встретятся?

Глава 6

Мира открыла глаза. Устремила взгляд в потолок. В доме было тихо, слышны были лишь старые ходики, мерно отсчитывающие секунды.

Девушка повернулась на бок и прижалась щекой к подушке. Вспомнился незнакомец с хутора. Его прикосновение... Ощущение теплых и чуть загрубевших ладоней на холодной щеке. А еще запах. От него приятно пахло парфюмом. Но к этому запаху примешивался и другой. Именно он как-то странно подействовал на нее.

Кто он? Жаль, представиться не счел нужным, как не пожелал и приподнять завесу таинственности, что витала над хутором, намеренно или нет подстегивая Мирино любопытство. Что ж, раз он не пожелал ей помочь, придется самой. И она узнает. Все узнает. Обязательно.

Девушка так погрузилась в собственные мысли, что не услышала, как хлопнула входная дверь и пришел, откуда-то вернувшись, Степик.

– Сколько можно спать! – прямо с порога закричал он. – Обед скоро!

– Скоро? – невозмутимо отозвалась Мира. – А я думала, уже!

Рудинский вошел в дальнюю комнату и отдернул занавеску.

– Ты погляди-ка лучше, какой чудный день за окном. Прямо как в сказке, ей-богу!

– Бр-р-р! От тебя холодом несет! – поежилась девушка, натягивая одеяло до подбородка. – И на улице наверняка не меньше двадцати градусов!

Степик махнул рукой и стал стаскивать с себя меховые рукавицы и куртку.

– А бабушки что, дома нет? – спросила Мирослава, наблюдая за его действиями.

– Нет. К Поляковым пошла. Проведать их, так сказать. Ты же слышала, Леха вчера говорил, что бабуля его приболела.

– А ты где был?

– В магазин ходил.

– Что-нибудь вкусное купил?

– Ой, не смейся меня! Что может быть вкусного в этом их сельпо? – хохотнул он. – Но кое-что все же купил! – загадочно закончил.

– Небось водки дешевой! – съязвила девушка.

Рудинский выразительно покрутил пальцем у виска.

– Сам такой! Сказал же, сельпо! – притворно обиженно протянула Мира.

– Шашлыки в ведерках были, замаринованные! С лучшего областного мясокомбината, прикинь! – довольно изрек Степик.

– И чего? По какому поводу шашлыки? Или это вы уже к Новому году закупаетесь?

– Да какое там! До Нового года еще раз пять в райцентр успеем смотаться! Это к сегодняшнему вечеру! Для забывчивых напоминаю – сегодня Рождество!

– Католическое! Ты вроде не католик. Или поездки по всяким заграницам не прошли даром, и ты сменил вероисповедание?

– Слушай, Мир, ну с тобой просто невозможно! Да какая разница, католическое Рождество или православное! Главное, праздник же! Короче, программа такова: сейчас мы с пацанами идем в лес, рубим елку, а потом, ближе к вечеру, подтягиваются все остальные и мы жарим шашлык! Ты с нами или так и будешь валяться весь день в постели?

– Конечно, с вами! – отбросив в сторону одеяло, соскочила Мира с постели. – Ставь чайник на плиту! Я буду готова через пять минут!

– Бабуля бульон куриный варила, будешь? – спросил Степик, оборачиваясь.

– А успею?

– Успеешь. Я тоже поем!

Они поели, попили чайку и уже собирались выходить, когда пришли Гарик и Леша.

Рука у Гарика была забинтована. Леша держал небольшой топор.

– Боевое ранение? – не смогла не прокомментировать Мира забинтованную руку Гарика.

– Типа того! – улыбнулся Гарик ей в ответ.

– Ты с нами, Мира? – спросил Поляков.

– Ага! Как же я вас оставлю!

– На улице холодно...

Девушка махнула рукой и стала натягивать варежку:

– Не замерзну.

Из-за сильного мороза все вокруг было покрыто серебристым инеем и сверкало в холодных лучах солнца ослепляя. Глубокие голубые тени лежали на снегу, голубым было высокое небо, голубым был лес за околицей.

– Как красиво! – восторженно выдохнула Мира. – И правда, как в сказке!

– Это точно! Да здесь, в Старых Дорогах, вообще одна сплошная сказка, а ночь и вовсе волшебная будет – рождественская! – поддержал ее Леша, а Гарик хмыкнул.

Они вышли на дорогу.

Мира, естественно, поскользнулась.

Поляков хотел предложить ей руку, Гарик снова опередил его, не спрашивая разрешения.

Леша отвернулся, Степик успел заметить, что лицо друга стало такое...

Рудинский покосился на Гарика и то, что он увидел, не очень ему понравилось.

Гарик шел, перебрасываясь с Мирославой ничего не значащими фразами, и не сводил с нее глаз.

Потом Степик перевел взгляд на сестренку.

Она слушала Гарика, кивала, что-то даже отвечала и ино-

гда улыбалась, но ни разу не одарила взглядом. Мира посматривала по сторонам, подолгу задерживая взгляд на седой стене леса, там, где в небо над верхушками заснеженных сосен стремился сизый дым.

Там был хутор.

И Степик совершил роковую ошибку, не придав этому значения. Куда больше его волновали два его лучших друга, которым понравилась одна и та же девушка.

Они вышли за деревню и метров сто шли знакомой тропинкой, которая вела к хутору. Потом свернули на другую, почти занесенную снегом, и углубились в лес, увязая в сугробах.

В чистом морозном воздухе сверкала и переливалась серебристая пыль, с веток то и дело осыпался невесомый снег. Словно заколдованный и совершенно неподвижный, стоял лес.

Они шли за елкой, но даже не представляли, где елки растут, да и растут ли вообще! Мира смутно помнила, как когда-то в детстве мама рассказывала, что где-то в глубине леса лесники посадили что-то вроде питомника. Но сама девушка там никогда не была, да и Степик, по-видимому, тоже. Может, и не было этих посадок уже. Лет-то сколько прошло...

Поглядывая по сторонам, ребята видели сосны, осины, березы, кусты какие-то, но елок не попадалось. Ни больших, ни маленьких.

А полузанесенная снегом тропинка убегала куда-то вдаль

и казалась бесконечной. И она интересовала Миру куда больше, чем поиск мифической ели. Степик беззлобно чертыхался.

В результате всем понравилась чудная сосенка, укутанная, как покрывалом, снегом, из-под которого проглядывали темно-зеленые иголки, а Мирослава даже пришла от нее в восторг. Решили, что сосна прекрасно заменит им ель.

Постояв немного, когда парни начали рубить дерево, Мира решила пройтись дальше по тропинке. Это было лучше, чем стоять, мерзнуть и ждать, пока работа сладится.

Она прошла немного вперед, свернула направо, пошла дальше.

Тропинка сделала еще один поворот, и Мира увидела свежие следы на снегу.

Мира постояла немного и пошла по следам.

Она и сама не смогла бы объяснить, почему эта тропка так заинтересовала ее. Но тропинка манила, притягивала. Кто-то прошел по ней из глубины леса, дошел до развилки и вернулся обратно. И Мира догадывалась, кто это мог быть. Только он один, вчерашний незнакомец, мог бродить по лесу.

Мира ускоряла шаг, но пробираться по снегу было нелегко. Стало жарко. Лихорадочное возбуждение и нетерпение толкали вперед. Она знала, что отошла от Степика и его друзей на приличное расстояние и ей лучше вернуться обратно, но сделать этого не могла. Она не боялась. Страшно было

вчера.

Тропка свернула еще раз. И Мира застыла на месте, приоткрыв рот от восхищения. Перед ней открылась большая поляна, окруженная елками и березами. Деревья, укутанные снегом, посеребренные морозом, поражали девушку своим великолепием.

Ничего прекрасней она не видела раньше. И чувство реальности терялось. Она очутилась в сказке, самой настоящей, и не удивилась бы, если б из-за елки вышел навстречу какой-нибудь сказочный персонаж.

Значит, рассказы мамы не были выдумкой. Старый питомник действительно существовал!

Девушка не представляла, далеко ли до деревни и знал ли кто о ельнике, одно было понятно: о нем не в курсе ни Степик, ни Леша, а растет он здесь десятилетиями, это бесспорно. Зато о елях известно мужчине с хутора!

Мира собралась было повернуть обратно и бежать к ребятам, чтобы обрадовать их своей находкой, но вдруг что-то ранее незамеченное заставило ее остановиться и присмотреться.

На одной из елочек, росшей недалеко от тропинки, висел большой цветной стеклянный шар.

Девушка, задохнувшись от неожиданности, стала оглядываться. Это было слишком. И вместе с тем так ясно. Он шел сюда, зная, что она обязательно появится здесь! Только откуда он знал? К тому же наверняка был уверен, что придет

Мира одна...

Медленно подойдя к елке, девушка обошла ее, словно ожидая увидеть что-то еще, но ничего не обнаружила. Ощущение того, что незнакомец где-то близко, не оставляло, но не могла же она бегать среди елок и искать его. А между тем ситуация походила на какую-то игру, правил которой Мирослава не знала, что сбивало с толку.

Постояв немного у елки, она сняла варежку, наклонившись, пальцем написала на снегу: «Я все равно докопаюсь до правды!!!!» и побежала обратно.

Кстати, вовремя. Задержись девушка еще на пару минут, ельник и елку увидел бы Гарик, который отправился ее искать.

– Мира! – воскликнул радостно он, увидев ее. – Ты куда подевалась? Мы уже волноваться начали! Идем скорее домой!

Мира ничего не сказала, виновато потупила глазки и поспешила вслед за Гариком.

Всю дорогу до дома Степик брюзжал и брюзжал, но девушка его почти не слышала. Машинально что-то отвечала ему, погружившись в собственные раздумья.

Она не была глупой, пусть и было ей всего семнадцать лет, и реально понимала, что таинственный мужчина в капюшоне не телепат, он не мог читать мысли на расстоянии, а значит, ему откуда-то известны их планы, маршруты и действия. Вернее, кто-то из деревни, из компании ребят снаб-

жал его информацией.

Вот только кто? Список был не так уж велик, если вспомнить вчерашних девчонок, с которыми были на горке, тех самых, с кем ребята проводили время.

– Гарик, а кто вам сказал, что, идя по этой тропинке, можно найти елку? – вдруг спросила Мира, оборачиваясь к парню.

– Да фиг его знает! Наверное, девчонки Степику сказали, это ведь они настояли на елке! Да ты у Степика спроси, он среди них лучше ориентируется! Я-то здесь всего три дня...

«Так, – решила про себя Мира. – К девчонкам следует присмотреться. Это не может быть совпадением или случайностью».

От всевозможных мыслей и догадок у нее разболелась голова, а ответа по-прежнему не было.

Вечером, сидя с чашкой горячего чаю за столом в передней комнате, Мира продолжала размышлять о том же. И по-прежнему не находила ответа. Все оставалось таким же призрачным и запутанным.

Гарик сидел напротив, увлеченно сооружая из батона, масла, сыра и вареной колбасы огромный бутерброд, а Степик расхаживал по комнате туда-обратно, натягивал на себя то свитер толстущий, то носки пуховые.

– Так, вы мне здесь давайте особо не рассиживайтесь! Некогда нам! Нужно снова в лес топать, костер разводить! Гарик, потащишь мангал!

– Степик?! – возмутился Юрьев.

– Гарик?! Не мне же его тащить на своих аристократических плечах и не Мире. Она пакет с шашлыками понесет, а Лехе доверим мешок с углем. Я водку возьму, а девчонки чуть позже подтянутся со всякими там вареньями-солениями, – распорядился Степик.

– Степик, возьми еще термос с чаем, мне его потом после шашлыков захочется! – попросила брата Мирослава.

– А ты что же, с нами выпивать не будешь? – удивился тот.

– Нет, – ответила девушка.

– Как хочешь!

– И, кстати, найдите шапку для Гарика. У него же уши отпадут на таком морозе, – добавила она.

– Так он шапки не носит из принципа, ты разве не заметила? Мы, знаешь ли, парни столичные...

– Я это помню! – перебила его сестренка. – Только вы не в столице. Вы в деревне и собираетесь в лес. Найдите себе что-нибудь на уши, а то у меня, глядя на вас, мороз по коже! – не отрывая взгляда от содержимого на дне чашки, попросила она. – Степик! – окликнула брата, помолчав немного.

– Ну? – отозвался тот.

– А кто тебе сказал о тропинке? Ну, той, по которой мы сегодня шли за елкой?

– Ира сказала, – ответил Степик, и голос его как-то странно дрогнул. Однако Мира, увлеченная собственными мыслями, не обратила на это внимания. А Гарик обратил. Он

внимательно и удивленно посмотрел на Рудинского.

Степик отвернулся, не желая развивать дальше тему, а может быть, не хотел, чтобы эти двое видели его лицо.

– Так, давайте закругляйтесь и пойдем уже! – обернулся он через минуту, быстро справившись с волнением. Лицо его снова стало непроницаемым. Закрутив термос с Мириным чаем, Степик стал одеваться.

Мира и Гарик, покорно отодвинув чашки, последовали его примеру.

Смеркалось, когда они вышли из дома во двор. Над лесом, в синем небе, всходил месяц, а на западе все еще пламенели отблески заката.

Розовые тени еще лежали на снегу, а лунный свет уже все серебрил вокруг.

Парни вышли со двора, Мира замешкалась, засмотревшись на игру красок в небе.

Честно говоря, на шашлыки в лес Мире не хотелось идти. Ее куда больше тянуло на хутор, где, может быть, она снова встретит вчерашнего незнакомца, с которым, как и вчера, возможно, удастся поболтать. Вот только на Ирину эту взглянуть бы...

Поколебавшись, Мира все же двинулась к калитке догонять ребят, решив, что сбежит от них при первой возможности.

Девушка толкнула калитку, чтобы выйти со двора, как

вдруг что-то привлекло ее внимание, заставило остановиться и обернуться. На снегу, в золотистом свете, падающем из окна, лежала еловая веточка.

Ничего особенного, на первый взгляд, а Миру как током ударило. Она вернулась и подняла веточку. Но кроме веточки на снегу было еще кое-что. Точнее, послание. Веточка была просто подсказкой к нему. Своеобразным ориентиром.

«Ты можешь попробовать сделать это сегодня! Там, где ты меня пыталась найти!» – было в послании. Да еще парочка смайликов в конце.

Кто он? Человек-невидимка, что ли? Как ему удастся находиться прямо под носом и оставаться незамеченным? У него явно есть сообщник! Возможно, эта самая Ирина...

Но послание не от нее. Это ответ на сообщение незнакомцу, оставленное Мирой у ели. Девушка будто вызов ему бросила, и он его принял. Но что теперь? Как быть теперь? Пойти туда? Но ведь страшно-то как одной в лесу...

И вместе с тем это ведь было приглашением! Когда? Зачем? Во сколько? Неважно!

Он будет ждать ее, когда бы она ни пришла! И даже если она не осмелится прийти, он все равно будет ждать...

Сердце забилось сильнее, на щеках вспыхнул румянец смущения.

Все происходящее вмиг перестало быть опасным, таинственным и непонятным, став волшебным, романтическим, необыкновенным...

– Мира, ну чего ты там застряла? Давай догоняй скорее! – окликнул ее Гарик, опуская с небес на землю.

Мирослава быстро стерла послание на снегу и воткнула еловую веточку за наличник окна.

Теперь шашлыки вовсе утратили какой-либо интерес. Ей хотелось лишь одного: уйти, исчезнуть и желательно прямо сейчас. Нетерпение овладело ею. Мира уже не могла думать ни о чем другом, только о елке, украшенной блестящим шаром, и о человеке, который будет ее ждать.

Глава 7

– Бывает же так... – сказал Гарик.

Мира обернулась и взглянула на него. Он сидел на корточках у костра, рядом с ней, и сосредоточенно смотрел на огонь.

Степик и Леша жарили на мангале шашлыки, аромат которых распространялся в воздухе.

Девчонки бегали вокруг костра и мангала, хохотали, прикалывались, пили вино и строили поочередно парням глазки, пытаясь привлечь внимание всех сразу. Правда, те не особо реагировали на их несколько неуклюжие и слишком очевидные заигрывания, хотя поддерживали игру. Леша подмигивал Анне, утонченной столичной штучке, закутанной в меха. Рудинский грозил Маринке кулаком, когда она пыталась стащить с мангала полусырой кусочек мяса, и все пытался ущипнуть за объемистый зад Наташку, когда та проходила мимо. Девушка взвизгивала, даже в шутку пыталась ударить Степика по руке и вместе с тем ясно давала понять, что не прочь продолжить их роман. Ее круглое лицо покраснелось от вина и мороза, а звонкий смех звучал так зазывно...

Взгляды же, которые Поляков бросал в сторону Гарика и Миры, были отнюдь не веселыми. А лицо Степика становилось сосредоточенным и серьезным, когда он, оборачиваясь,

поглядывал на Ирину, стройную, невысокую шатенку с тонкими чертами лица и небольшими серо-зелеными глазами, почти такими, как вода в речке.

В Старых Дорогах Степик никогда раньше ее не видел и ничего о ней не знал. Она снова и снова притягивала его взгляд. Она так отличалась от остальных девчонок, с которыми он дружил не только здесь, в деревне, едва ли не с детства, но и вообще ни на кого не была похожа. Ирина была другой. Ее отстраненность, серьезность, молчаливость, как некая тайна, магнитом притягивали Степика. Загоняли в тупик, поскольку на нее не действовали проверенные временем способы оболъщения. Он пробовал подкатить к ней, но серьезный, слегка насмешливый взгляд девушки как-то сразу охладил его пыл, однако подстегнул желание добиться своего. Он всегда умел нравиться девушкам и знал, что нравится и Маринке, и Ане, и Наташке, и многим другим в столице, и не понимал, почему не нравится Ирине. Вот и сейчас, словно наблюдая за ним со стороны, она так странно смотрит, и едва заметная улыбка кривит ее тонкие губы. Не веселая улыбка – чуть ироничная, чуть презрительная...

Яркий серп месяца висел в звездном небе, и в его голубоватом призрачном свете купались сосны, укутанные снегом.

Мирослава смотрела на ребят, и улыбка, украдкой, появлялась на ее лице. Она не горела желанием идти сюда, предпочитая другое место и общество другого человека, но, оказавшись здесь, не пожалела, что пришла. Пусть она не при-

нимала участия в общем веселье, но ей и у костра хорошо было сидеть вот так, держа в руках пластиковый стаканчик с вином, который все же всучила ей Маринка, и наблюдать за остальными. Смотреть, не мигая, на огонь. Чувствовать его жар, опаляющий лицо и руки, слышать потрескивание дров в костре и скрип снега под ногами ребят и то, как трещат от мороза деревья в лесу.

– Первый шашлык готов! – объявил Степик, снимая с мангала шампур с мясом.

– Ура! – радостно закричали девчонки и обступили его со всех сторон.

– Предлагаю обновить стаканы! – закричала Наташка.

Все с радостью поддержали ее предложение.

Мира сделала глоток вина, которое немного согрелось в ее ладонях.

– ...Это оттого, что ты в городе живешь, Гарик! – помолчав немного, ответила Мирослава. – Причем в большом городе, вот тебе и кажется происходящее здесь таким удивительным и необычным! А может, так оно и есть на самом деле! – добавила она, глядя на лес.

Гарик обернулся и устремил взгляд на девушку, любясь тонкими чертами ее лица и бледной кожей. Светлые пряди волос, выбившись из-под шапочки, обрамляли лицо, создавая некий ореол.

«Бывает же так... – подумал Гарик. – Живешь, работаешь, тусуешься, встречаешься, влюбляешься, надеешься,

расстаешься, а потом приезжаешь в какую-то Богом забытую деревню,ходишь в хату и встречаешь девушку с самыми невероятными, поразительными глазами, и все вокруг теряет смысл...»

– Мира, хочешь, я принесу тебе кусочек шашлыка? – спросил Гарик.

Девушка кивнула.

Гарик легко, несмотря на свой высокий рост и внушительную фигуру, вскочил на ноги и пошел к мангалу.

– Мира! – крикнула ей Маринка, смешно взмахнув шампуром с мясом. – Иди к нам!

Мира улыбнулась и покачала головой.

Ей было хорошо с ними, но ей нужно было уйти. Туда, в неведомое, таинственное, оттого столь притягательное, где ждал ее незнакомец. Ей нужно было уйти к той елке, у которой он ее ждал.

Вернулся Гарик с кусочком шашлыка и, удерживая его двумя пальцами, передал Мире. Двумя пальцами Мира слава взяла его. Лишь на секунду ее прохладные пальчики коснулись пальцев Гарика, сильных и горячих. Это мимолетное прикосновение обожгло его, а девушка ничего не почувствовала. Просто взяла у него из рук кусочек мяса и стала есть.

Потом, когда шашлыки были готовы, все столпились у костра, снова и снова подбрасывая в него ветки и дрова, так что столп искр поднимался высоко в небо, пили вино, ели шашлыки, болтали, прикалывались, рассказывали анекдоты

и смеялись.

Они были молоды и беспечны. Их сердца, яростно стуча в груди, стремились ввысь. Перед ними были открыты все пути, целая жизнь лежала впереди...

И Мира радовалась вместе с ними и пила вино, позабыв обо всем на свете. У костра было так тепло, а в кругу компании легко и хорошо, как нигде и никогда раньше не было. Здесь Мирослава не была той незаметной, скрытной девочкой из одиннадцатого класса, у которой ни подруг, ни друзей. Здесь она была полноправной личностью, а главное, никто не воспринимал ее как несмышленного ребенка. Наоборот...

Гарик не отходил от нее. Стоило ей обернуться или просто поднять на него глаза, тут же встречала его взгляд, и видела приподнятые в немом вопросе брови. Он готов был исполнить любое ее желание...

Мира подозревала: его повышенный интерес не просто дань вежливости или забота старшего о младшей.

Она определенно нравилась Гарику. И это было ново для Мирославы. В школе одноклассники, да и ребята постарше не проявляли к ней интереса, не видя чего-то такого, что могло бы понравиться. Того, что с избытком было у одноклассниц.

Но Гарик не был ее одноклассником. Он был классным парнем, классным другом. Чего-то большего с ним Мирослава не представляла. И не желала. В этом была абсолютно

уверена.

Мира не много знала о любви, но точно знала, что Гарик не тот человек, который смог бы тронуть глубоко запрятанные струны ее души, пробудив трепетное и нежное чувство первой любви.

Впрочем, девушке иногда казалось, что такого человека вообще не существует. Уж слишком предвзято она относилась к парням. Уж слишком пристально всматривалась в них.

Задумавшись, Мира засмотрелась на огонь, а когда снова подняла глаза, наткнулась на внимательный взгляд Ирины.

Она первая отвернулась, в сторону леса, будто знала, что где-то там, в чаще кто-то есть.

Допив вино, Мирослава смяла стаканчик и бросила его в огонь. Кусочек пластика на мгновение вспыхнул синим и тут же погас. Отыскав глазами Маринку, Мира поднялась и пошла к ней. Девушка стояла спиной и смеялась над шутками Рудинского.

Мирослава дернула ее за рыжий локон.

– Мира? – обернувшись, удивилась Маринка.

Та лишь повела взглядом в сторону леса и, не сказав ни слова, пошла.

Маринка в полном недоумении всучила свой стаканчик стоявшему поблизости Степику и двинулась следом.

Она быстро нагнала Миру и пошла рядом.

– Тебе надо в туалет? – спросила она, первой нарушая

молчание.

Мирослава отрицательно мотнула головой и остановилась.

Яркие всполохи пламени и темные фигуры ребят, мелькавшие в просветах между деревьями, остались позади. Впереди непроглядной угрожающей стеной вставал заснеженный лес.

– Маринка, мне нужно уйти! – выпалила Мира.

– Почему? Тебе не понравилась с нами? Ты от Гарика бежишь? – тут же стала допытываться Маринка.

Мира снова покачала головой.

– Нет, мне просто надо уйти! И я хочу, чтобы мой уход остался незамеченным!

– Но это невозможно. Все сразу увидят, что я вернулась одна, и Степик с Гариком тут же станут приставать с расспросами! Ты же знаешь своего брата, он о тебе печется так... К тому же еще этот мужик с хутора...

– Я знаю. Но мне очень нужно уйти!

– У тебя что же, свидание назначено где-то?

– Ну, что-то вроде того.

– Это секрет?

– Да!

– Ладно, тогда я скажу, что у тебя критические дни начались. Это ни у кого не вызовет подозрений и беспокойства! Я скажу, что ты не хотела никого беспокоить, а меня попросила немного тебя проводить! Хорошо?

– Да. Спасибо тебе, Марина!

– Да не за что! Беги и будь осторожна!

Мира кивнула. Махнув на прощание рукой, скрылась в лесу.

Чем дальше девушка уходила в глубь леса, тем тревожнее становилось на душе. Она шла по возможности быстро, часто проваливалась в сугробы, падала, вставала и, не отряхиваясь, спешила дальше. Засунув руки в карманы куртки, так сильно сжимала их, что пальцы немели.

Если у елки никого не будет, она умрет. Лучше умрет и замерзнет прямо там, но обратно этой же дорогой не пойдет. У нее просто не хватит ни сил, ни мужества. И так вокруг чудилось всякое... Некстати вспомнились волки.

Когда Мира наконец вышла к небольшой прогалине, на краю которой росла знакомая елка, в лунном свете сверкнул лишь стеклянный шар. И никого.

Слезы обиды и разочарования навернулись на глаза раньше, чем девушка смогла совладать с собой.

Это было нечестно и слишком жестоко! Ну почему, почему он так поступил? Ах да, он хотел причинить вред Степикку! Оказывается, этот человек был охоч до тонкой и изощренной мести! Степик никогда не узнает, кто заманил ее сюда, когда найдет здесь замерзшей!..

Вдруг между деревьев Мира увидела стремительно мелькнувшую тень, в ту же секунду на поляну выскочил заяц-беляк и понесся прямо на нее. Девушка, завизжав, бросилась

бежать, поскольку догадаться, от кого бежал заяц, задача не трудная.

Впрочем, далеко убежать не удалось: она уткнулась в кого-то, кого сразу не узнала, что еще больше испугало ее. Мира стала отчаянно вырываться из его рук, намереваясь бежать. Бежать без оглядки.

Но он крепко прижал ее к себе, пресекая попытки освободиться. Мира почувствовала знакомый запах парфюма, и ей захотелось расплакаться.

– Все, все, успокойся! Это всего лишь заяц, и волк за ним не гонится, уж поверь мне! – тихо заговорил он, обжигая ее лицо горячим дыханием.

– Это было... – заикаясь, начала девушка.

– Знаю, не лучшей идеей было приглашать тебя сюда. Прости, но ничего другого придумать не смог. К тому же мне казалось, что ты знаешь, что я иду за тобой. Я говорил, что не оставил бы тебя здесь одну... – сказал он, слегка отстраняя ее от себя, а потом и вовсе выпуская из рук.

– Но почему вы не вышли на тропинку? Вы же видели, что я одна.

– Обыкновенная мера предосторожности. Я не был уверен, что ты придешь одна. Я не был уверен, что ты не рассказала обо всем Степику. Если мыслить здраво, другая на твоём месте так и поступила бы. У тебя не было причин ничего скрывать... А мне вовсе не хотелось враждебных столкновений с парнями из деревни.

– Нет, я не собираюсь ничего никому рассказывать! – тряхнула головой девушка. – И у меня были причины прийти сюда! И вы можете считать меня ненормальной, потому что мыслить здраво я вообще не умею! Вот только я не понимаю, зачем вам все это... Вы ведь даже имени моего не знаете, и если вы говорите, что не хотите никому причинить вред и не хотите столкновений, я не понимаю, зачем...

– Я знаю, что тебя зовут Мира! – улыбнувшись, сказал он.

Конечно, улыбку его Мирослава не могла увидеть, как бы ни старалась, но она отчетливо «услышала» ее в его голосе.

– Зато я не знаю, как зовут вас! Или это тоже большой секрет, как и ваше лицо, которое вы зачем-то прячете под капюшоном?

– Нет, не секрет. Меня зовут Вадим.

– Приятно познакомиться!

– Мне тоже! – мужчина засмеялся. – Ты успокоилась?

– Вы не ответили на мой вопрос!

– Я не знаю на него ответа.

– Странный вы какой-то! Все происходящее странно... – призадумавшись, девушка сделала несколько шагов в сторону и, наклонившись, загребла ладошкой снег.

Вадим засмеялся.

– Почему вы смеетесь? – обернулась Мира. – Я кажусь вам смешной? Глупой, да?

– Нет, очень и очень юной.

– Ну, не такая уж я и юная! – отважно заявила Миросла-

ва. – Мне уже семнадцать лет!

– А мне двадцать семь. Я старый уже, – сказал Вадим.

– Я не считаю, что вы старый! Двадцать семь – это не много. Вот если бы вам было пятьдесят...

– А что было бы, если бы мне было пятьдесят? – поинтересовался мужчина.

– Я бы решила, что вы какой-нибудь свихнувшийся старик, охочий до молоденьких девушек. И, естественно, не пошла бы в лес ночью с вами, наверняка все рассказав Степику.

Вадим снова засмеялся.

– Так, значит, в свои двадцать семь я, по-твоему, не падок до молоденьких девушек?

– Нет, – смущенно покраснела Мирослава, только сейчас сообразив, что сказала глупость. – Я не то имела в виду! Я точно знаю, вы не причините мне вреда!

– Почему?

– Не знаю. Но если бы вы хотели это сделать, вы бы сделали это еще вчера, на хуторе. Ребята сбежали, помочь мне было некому... Что вам мешало? Вы ведь и есть тот самый паренек с хутора, которого однажды избили мальчишки из деревни? Я слышала, как Степик говорил об этом. Они сделали что-то с вашим лицом, именно поэтому вы не хотите, чтобы я его видела?

– Нет. Просто... А зачем тебе видеть меня, Мира?

– Но как... Это не честно в конце концов!

– Ну, о честности пока вообще речи не идет! Что изменит-

ся от того, что ты увидишь мое лицо? Мы как-то по-другому станем говорить? Или о другом? На самом деле тебе это и не нужно! Ты уедешь скоро, возможно, мы и не встретимся снова... Пойдем, что мы стоим на месте, так и замерзнуть недолго.

Мира сделала несколько шагов по направлению к тропинке, а потом остановилась. Натянув шапочку на самые глаза, она набросила на голову капюшон, тень которого наполовину скрыла ее лицо.

– Ладно. Раз это не важно, тогда и я буду в капюшоне, – заявила девушка.

Мужчина тихонько рассмеялся и подошел к ней.

– Перестань, – он снял с ее головы капюшон и поправил шапочку, открывая лицо. На мгновение его пальцы коснулись ее холодной щеки. – Ты – совсем другое дело, мне нужно видеть тебя!

– В последний раз?

– Нет, если ты этого хочешь.

– Хочу!

– Пойдем, а то замерзнешь.

Неожиданно он вытащил из карманов куртки Мирины ладони, которые тут же утонули в его больших и горячих руках.

– Так я и предполагал. Ты когда научишься носить рукавицы?

– Скоро!

– Понятно, когда отморозишь себе что-нибудь! Идем, я

провожу тебя домой, пока ты окончательно не окоченела.

Домой Мире не хотелось. Вот если бы он так и держал ее ладони в своих руках, девушка совершенно не возражала бы. Но он их отпустил.

Они двинулись в путь.

Петляли по лесу какими-то невидимыми тропками, пробираясь по сугробам. Мире не раз казалось, что они заблудились и уже никогда им не выбраться. Девушка оглядывалась по сторонам, но страха не испытывала. С ним было не страшно. С Вадимом она вообще могла бы до бесконечности блуждать по лесу.

Но мужчина, по-видимому, знал, куда шел. Он ни разу не остановился, не замедлил шаг. Скоро лес поредел, а потом и вовсе расступился. Перед ними простирались заснеженные просторы, луга и замерзшая речка. Вдали лежали уснувшие Старые Дороги.

На краю леса Вадим остановился.

– Я не пойду дальше. А ты беги и ничего не бойся! – сказал он.

Девушка кивнула, понимая, что спрашивать его о чем-то бесполезно. Она подняла глаза к его спрятанному под капюшоном лицу, на мгновение задержав взгляд, потом отвернулась и шагнула вперед.

– Подожди, – вдруг сказал мужчина, удерживая ее за руку. Мирослава обернулась.

– Я совсем забыл. Сегодня ведь Рождество и... Вот, возь-

ми это!

Засунув руку в карман, он достал оттуда небольшую квадратную коробочку.

– Что это? – удивилась Мира.

– Подарок.

– Но мне нечего подарить вам, – пробормотала она растерянно.

– Мне ничего не надо! – засмеялся он.

– Спасибо.

Девушка взяла протянутую коробочку и прижала ее к груди.

– На здоровье! А теперь беги!

Он отпустил ее, и она пошла. Оборачиваясь снова и снова, она все смотрела на его темную фигуру, удаляющуюся в темноту леса. Он же не обернулся ни разу. А вскоре и вовсе исчез. Лес поглотил его.

Глава 8

Едва войдя в дом, Мира зажгла свет в передней, плюхнулась на лавку и, стянув рукавички, стала судорожно открывать коробочку из обыкновенного серого картона. Замерзшие пальцы не слушались.

Теряя терпение, девушка разорвала коробочку и извлекла подарок. На деревянной подставке стоял стеклянный шар, в котором находился маленький домик с белыми ставнями, окруженный заснеженными деревьями. Домик, невероятно похожий на дом с хутора.

Мирослава, как зачарованная, смотрела на сувенир, потом медленно перевернула его – и пошел снег...

Снег шел снова и снова...

Мира снова и снова переворачивала подарок и не могла отвести от него глаз. Она наверняка так до утра и просидела бы, если б не бабушка, часто встававшая по ночам.

Баба Нина вышла в переднюю комнату и изумленно всплеснула руками, увидев внучку.

– Мира! Унучачка мая! А чаго ты тут сядзіш? Ноч на дварэ! Усе спяць даўно, а ты... Мо здарылася што? Мо хто абідзеў? – запричитала старушка, качая головой.

– Нет, бабушка! – девушка виновато улыбнулась, убирая сувенир в карман. – Все нормально! Я уже ложусь! – поднялась с лавки и поплелась к своему закутку, на ходу стягивая

шапку и куртку.

– Ты зачѳнілася? – спросила баба Нина.

– Нет, Степик еще не пришел.

Бабушка снова всплеснула руками, но Мирослава уже не слушала, что та говорила. Быстро раздевшись, юркнула под одеяло.

Лунный свет, просачиваясь сквозь шторы, заливал комнату.

Мира поставила подарок на край кровати. Искусственный снег загорелся, заискрился призрачным голубоватым сиянием.

Девушка смотрела на него, и мечты впервые зарождались в сердце. Так ново и приятно было мечтать о ком-то, о ком-то конкретном, который вместе с тем оставался по-прежнему неуловимым и таинственным, ведь все, что она знала о нем, оставалось загадкой. Был только темный силуэт в ночи, его голос, пронизанный теплыми искорками смеха, и тепло его рук...

Мира снова хотела с ним встретиться. Хотела увидеть его. Может быть, ее мечты, ее желание являлись лишь результатом любопытства, но она жаждала слышать его вновь и вновь, чувствовать тепло его пальцев, стать ближе ему...

Сон не шел. Мира лежала и вздыхала и, конечно, слышала, как вернулся Степик.

По тому, как загрохотали ухваты у печи, а потом прозвучали приглушенные ругательства, стало ясно: братец пьян и

плохо ориентируется в пространстве.

Вот он прошел к себе за занавеску и стал раздеваться. Мира услышала, как упал ботинок, который Степик с трудом стащил с ноги, и как его зубы стали отбивать барабанную дробь.

Этот звук рассмешил девушку, и ей пришлось уткнуться лицом в подушку, чтобы скрыть смехок.

Степик наконец перестал возиться с одеждой и забрался под одеяло, но все еще дрожал, вздыхал, что-то бормотал под нос и ворочался с боку на бок.

Но вот и он затих.

Мирослава прижала к груди подарок и закрыла глаза, надеясь уснуть...

– Мира! – вдруг окликнул ее братец.

Девушка решила промолчать. Авось Степик решит, что она давно крепко спит, и угомонится.

– Мир, ну я же знаю, что ты не спишь! Давай ко мне, поговорим!

– О чем? – шепнула Мирослава, отрывая голову от подушки.

– Говорю, давай ко мне, а то бабулю разбудим!

Мира, понимая, что спорить бесполезно, быстренько выскользнула из постели и прошмыгнула в переднюю комнату. Забравшись к Степику в кровать, уселась, прислонясь к стене, и натянула на колени одеяло.

– Ты чего сбежала? – Рудинский тоже принял вертикаль-

ное положение и теперь сидел на кровати, опираясь о спинку, скрестив руки на груди.

– Я не сбежала, просто...

– Ага, про критические дни я уже слышал! – усмехнулся Степик. А Мира почувствовала, как ее щеки от смущения зарделись. – К тебе что, Гарик приставал? Обидел, что ли? Так ты скажи, я ему быстро мозги вправлю! Или девчонки чего сказали? – допытывался Степик.

Девушка покачала головой:

– Нет.

– А что тогда? Компания наша не понравилась?

– Мне все понравилось, просто я замерзла, ну и дни тоже, мне показалось...

– Почему мне не сказала? Я же просил тебя не шататься ночью одной! Ты же знаешь...

– Я знаю! Где-то в лесу бродит сумасшедший с хутора, который спит и видит, как бы причинить нам вред. Особенно мне, потому что я самая слабая и беззащитная, слабое звено, так сказать! – покорно произнесла Мира, прекрасно зная, что в следующую секунду скажет Степик.

– Правильно!

– Но за эти дни я ни разу никого не встретила!

– А шаги за стеной?

– Ну, может, нам они просто слышались.

– Не слышались. Он на хуторе. Я в этом уверен. Мы видели следы. Он приходил в деревню и не раз. Черт, засаду

бы устроить! Да знать бы еще, на кого! Ему что-то нужно здесь, в деревне! И если так вышло, что мы снова оказались здесь все вместе, он не упустит свой шанс... Он явно что-то затеял.

Мире бы взять сейчас и все рассказать Степику, но она не решилась. Девушка прекрасно понимала, что это предательство. А Степик Рудинский, ее любимый двоюродный брат, не заслуживает такого. Вадим же... Всего раз, последний раз, и больше она не станет встречаться с ним. Более того, попросит, чтобы он уехал. Степик ничего не узнает и скоро успокоится...

– А если нет? – тихо спросила Мира.

– Что? – не расслышал или не понял Рудинский.

– А вдруг он просто приехал присмотреть за домом, собакой и вообще...

– Ага, а ночами его мучает бессонница и он прогуливается по деревне. Мира, очнись! Ты не знаешь, что тогда реально произошло!

– Не знаю, а что произошло?

– Не важно, но я бы такого не простил!

– Нет уж, раз начал говорить, будь добр, рассказывай все как есть!

– Ну, в общем, – немного поколебавшись, заговорил Степик, – тогда, много лет назад, мы с ребятами его не просто сильно побили, выловив в лесу, мы его еще и порезали. Мы были мальчишками, Мира, а он нас реально достал. Короче,

бутылка неизвестно как подвернулась под руку, я ее разбил и полоснул...

– По лицу? – дрогнувшим голосом спросила девушка.

Наверное, у него изуродовано лицо и он не хочет пугать ее, поэтому и ходит в капюшоне. Конечно, это все объясняет! Мире вдруг вспомнилось, что Вадим говорил про драку, и ей стало так жалко его, так бесконечно жалко...

Пусть Степик прав и Вадим действительно разглядел в ней то слабое звено Старых Дорог, через которое он мог бы отомстить всем, вот только его слова, поступки, прикосновения и подарок не вязались с изощренной мстью. Все, что происходило, имело совершенно другое направление. Нечто такое, где были только он и она...

– Нет, не по лицу. Кажется, по руке. Я уже не помню точно, но точно не по лицу! – сказал Степик, а Мира мысленно вздохнула. – Ладно, проехали! – помолчав немного, добавил он. – Как тебе наша компания вообще?

– Нормальная компания! – с улыбкой сказала Мира. – Девчонки молодцы! Наташка, кажется, до сих пор влюблена в тебя!

Рудинский хохотнул.

– И мне кажется! А Маринка на Гарика глаз положила, хоть и клеила весь вечер Леху. А Гарик весь вечер с тебя глаз не сводил!

– А вот и нет! – запротестовала Мирослава.

– А вот и да! И он расстроился, когда ты ушла! Короче,

зная Юрьева, могу со всей ответственностью заявить: он точно на тебя запал!

– Так не бывает!

– Как?

– Мы почти незнакомы!

Степик усмехнулся.

– Ну, знаешь ли, это такое дело, тут неважно, как долго ты знаешь человека, иногда бывает достаточно и одного взгляда.

– Степик, только от тебя пьяного и можно услышать такие речи! Ты говоришь о любви? Или о сексе? Делая выводы из разговоров наших родственников, ты способен только на последнее.

– Наверное, я старею! Что-то меня в самом деле потянуло на сентиментальность. Так значит, шансов у Гарика нет? Он тебе не нравится?

– Нет, ну почему? Он нормальный парень, прикольный, компанейский...

– Это у него, конечно, не отнять, но я о другом!

– В другом смысле – нет!

– И что, тебе еще никто и никогда не нравился, ну так, чтобы по-настоящему? У вас ведь в школе наверняка хватает парней?

– Нет, не нравился.

– Так вроде пора!

– Вроде... Степик, а к кому приехала Ирина? Я ее здесь

раньше никогда не видела...

Степик пожал плечами.

– Не знаю. Девчонки говорят, она чья-то дальняя родственница и раньше бывала здесь. Но я что-то ее припомнить не могу. А почему она тебя заинтересовала? Не понравилась?

– Да нет, просто... Просто как-то не вписывается она в вашу компанию.

– Да, ты права, не очень-то она похожа на местных девах! Да и на городских, в общем, тоже, – помолчав немного, добавил Степик. – Ладно, беги! Будем спать! А то утро скоро уже...

Мира кивнула и, пожелав брату спокойной ночи, ушла к себе, но уснула не сразу. Слишком много мыслей роилось в голове, слишком много вопросов терзало мозг, а ответов на них не было.

...Мира шла по дороге, то и дело оглядываясь. Она спешила и, как ни странно, ни разу не поскользнулась...

Время перевалило за полдень, мороз крепчал, и она, едва дождавшись, пока за Степиком закроется дверь, стала торопливо собираться.

Мысли о Вадиме не оставляли девушку все утро. А желание сбежать из дома становилось сильнее. Но приходилось сдерживаться. Бабушка загрузила работой, объявив, что к Новому году приедут гости, поэтому дом необходимо при-

вести в порядок. Степику поручено было повыбивать половики, подушки и одеяла, а Мирославе – сменить постельное белье, собрать все грязное и замочить в большой балее.

Ближе к обеду к Степику пожаловали друзья. Баба Ни-на усадила всех за стол подкрепиться. После обеда ребята ушли, звали с собой и Миру, но она, сославшись на то, что осталась еще кое-какая работа, пообещала присоединиться к ним позже и, проводив до двери, помахала на прощание рукой, а потом бросилась в дальнюю комнату проследить их маршрут. Парни пошли «на деревню», Мира же быстро оделась и, ничего не сказав бабушке, устремилась в совершенно противоположную сторону.

Она оглядывалась, боясь наткнуться на кого-то из знакомых. Еще не хватало, чтобы Степику донесли, ей потом не оправдаться.

Мира благополучно вышла из деревни, нашла знакомую тропинку и пошла вперед. В лесу деревья, казалось, парили в кристально прозрачном морозном воздухе. Все сверкало и переливалось в ярких, слепящих лучах зимнего солнца, а небо будто отражалось на снегу глубокими голубыми тенями. При малейшем колебании воздуха снег начинал сыпаться с веток и сверкать подобно бриллиантам.

Безотчетная любовь к земле, к природе, к родному краю зарождалась в душе девушки. Она теснила сердце, отклика-ясь светлой печалью...

Мирослава зачерпнула ладонью снег и поднесла к губам.

Мелкие кристаллики таяли, превращаясь в капельки. Снег пах сосновой хвоей, шишками, смолой. Не удержавшись, Мира лизнула его языком, как лизала когда-то в детстве.

Она шла и воображала себя то Снегурочкой, то Настенькой из любимой сказки «Морозко», а то и вовсе лесной феей, бесплотной жительницей бесконечных, застывших, укутанных снегом лесов. Так светло и радостно было на душе, и чувство невероятной свободы кружило голову. Казалось, стоит только раскинуть руки пошире, закрыть глаза – и можно полететь.

Хутор возник неожиданно. Лес, почти полностью обступаящий большую поляну, расступился, и Мирослава увидела небольшой крепкий сруб под шиферной крышей. Белые резные ставни украшали его, резным было и крыльцо. У калитки росли две рябины, и их гроздья горели алым на бело-голубом фоне зимы. Из дымохода в кристально-чистое небо поднимался дымок, красноречивее любых слов говоривший о наличии в доме хозяина.

Мира стояла как замороженная и смотрела на хутор. Здесь было так красиво, так уединенно и спокойно, что захватывало дух. Девушка впервые видела хутор днем и не понимала, почему раньше не приходила сюда. Места были такие, что прямо бери и рисуй. И можно лишь догадываться, как чудно здесь осенью, когда деревья украшены позолотой, а рябина у дома алеет спелыми гроздьями. Или летом, когда в тишине слышно, как шумит лес, жужжат пчелы, собирая нектар,

качаются лесные колокольчики, и если прислушаться, можно даже услышать их серебристый звон. Или весной, когда в весеннее небо взмывает жаворонок и журчит полноводная речка.

Мира долго стояла, глядя на хутор из-за сосновой ветки, под тяжестью снега склоненной к земле. О том, чтобы выйти на поляну и постучать в дверь дома, она не помышляла. Вряд ли Вадим обрадуется вторжению и, скорее всего, просто не откроет. Постояв еще немного и чувствуя, что начинает замерзать, Мирослава развернулась и зашагала обратно.

Дома, выпив с бабушкой чаю, согревшись и убедившись, что Степика нет, девушка пошла к Поляковым. Она не сомневалась, что братец там. За обедом Леша говорил что-то о том, что бабушка его отправилась в райцентр навестить родственников и сегодня большой дом в полном распоряжении ребят. Мира не сомневалась также, что ребята не преминут этим воспользоваться и наверняка, собрав компанию, уже гуляют всюю. Как же она была удивлена, застав парня одного.

Лешина бабушка жила в добротном деревянном доме с просторной верандой и большими окнами, которые украшали резные наличники. Выкрашенный, ухоженный, выстроенный на века, этот дом всегда нравился Мире. Он существенно отличался от маленького простенького домика бабы Нины. Построен он был много позже, и весь его вид говорил о достатке хозяев. Поляковы действительно всегда хорошо жи-

ли. Бабушка Лешина всю жизнь проработала в бухгалтерии совхоза, контора которого располагалась в соседней деревне, а дед был бригадиром на ферме. Правда, дед умер несколько лет назад, но обеспечить хорошее будущее своим детям старики успели. Родители Леши жили в Минске, а дядька с теткой в Логойске.

– А где Степик? – спросила девушка Полякова, когда он пригласил ее в дом и помог снять куртку.

– Ушел с Гариком к Наташке. Ее бабушке понадобилась мужская помощь: то ли розетку починить, то ли проводку. Они уже давно ушли, так что прийти должны с минуты на минуту. Мира, ты проходи, не стесняйся! Хочешь, включу телевизор?

– Нет, не надо, – оглянулась Мирослава и заправила за уши выбившиеся из хвоста пряди волос.

Внутри дом был уютным и светлым. Кружевные шторы на окнах, люстры со стеклянными плафонами, буфет, салфетки под хрустальными вазами, горка с посудой, напольные часы, венские стулья, кресло-качалка и печка-голландка произвели на Миру сильное впечатление. В таком доме хотелось жить.

– Прикольная у вас качалка!

– Хочешь, можешь посидеть. Бабушка вечерами в ней сиживает, вяжет и сериалы смотрит.

Мира села в кресло и, качнувшись взад-вперед, остановилась и поднялась.

– Хорошо у вас здесь, так тепло и уютно... А ты почему не пошел к Наташке?

– Меня оставили за шеф-повара, так сказать! – Поляков улыбнулся, и вокруг его голубых глаз образовались морщинки. – Бабушка уехала, и мы решили сегодня собраться у меня.

– М-да? – девушка огляделась. – Хочешь, я помогу тебе? Правда, я не очень-то умею готовить, но почистить что-нибудь, порезать, помешать могу.

– Ну, пойдём! – парень отступил в сторону, пропуская девушку вперед, и она прошла в кухню.

Здесь, как и во всем доме, тоже было мило и по-домашнему тепло. Лампа под старым абажуром заливала комнату мягким светом. Печка, всевозможные полочки, баночки, цветастые занавески, посуда, ведра с водой, ухваты, пестрые полотенца на гвоздиках, стол, застеленный яркой клеенкой, половики, горшки с цветами на окнах, табуретки – обычный интерьер обычной деревенской кухни. Единственная городская деталь – холодильник. Конечно, не новый, но если учесть, что у бабы Нины вообще такого никогда не было, и этот можно считать предметом роскоши.

Мира взобралась на табуретку и, приоткрыв крышку кастрюльки, стоявшей на столе, заглянула в нее.

– Оливье? Вы что, праздновать что-то собираетесь или просто закуску готовите? – любопытствовала.

– Ничего особенного мы не празднуем, просто радуемся,

что в кой-то век удалось выбраться на рождественские каникулы, собраться вместе. В последнее время это случается редко. Раньше, когда в универе учились, часто куда-то ездили вместе, тусили. А теперь у каждого своя жизнь...

– А кто ты по профессии?

– Программист. Стажируюсь в одной европейской фирме, филиал которой находится в Минске. Занимаемся разработкой новых технологий и компьютерных программ.

– Ого! Круто!

– Да, попасть в такую фирму – большая удача. И даже не в плане заработной платы. Есть перспективы и возможность работы за границей. К лету стажировка закончится, и если я подойду, со мной подпишут контракт. У этой фирмы открыты филиалы во многих европейских столицах, и я бы не отказался поработать какое-то время за рубежом.

– Здорово! – сказала Мира и украдкой вздохнула. Разговор с Лешей заставил ее вспомнить о собственном будущем и о скорых выпускных экзаменах. Конечно, девушка очень надеялась, что оставшиеся месяцы что-то прояснят и она решит для себя, кем бы хотела стать. Но верилось в это мало. Вряд ли оставшиеся месяцы смогут как-то изменить ее оценки, да и ума тоже не прибавят.

Снова вздохнув, Мира отогнала мысли о грустном и потянулась за колбасой.

– Давай я порежу?

– Давай!

– А чем у тебя так вкусно пахнет?

– Курица с картошкой запекается в духовке.

– Вы шикуете! Вчера шашлыки, сегодня курица!

Парень засмеялся.

– Хочешь, сделаю тебе чай?

– Хочу! Ой! – воскликнула вдруг Мира, выронив из рук нож и зажав рукой палец.

– Что случилось? – тут же подскочил к ней Поляков.

– Палец порезала, – морщась от боли, прошептала девушка.

– Иди сюда, – он приобнял ее за плечи и подвел к сливному тазу. Зачерпнув кружкой воды, осторожно взял ее руку в свою и, опустив над тазиком, стал поливать холодной водой, обмывая кровь, капающую из раны. – Подожди, – отошел и через мгновение вернулся, держа в руках бутылочку с йодом и бинт.

– Ой, йода не надо! – запаниковала Мирослава.

– Тихо-тихо! Больно не будет, обещаю! – он брызнул на ранку йод и тут же, прежде чем Мира успела вскрикнуть, подул на нее.

Слезы, навернувшиеся было на глаза девушки, высохли, а Леша уже туго бинтовал ее палец.

– Спасибо! – слабо улыбнулась она, когда, тщательно завязав бинт, он выпустил ее руку из своей.

– Пожалуйста! – улыбнулся в ответ Поляков.

И в его голубых глазах, и в его улыбке было столько ласки,

доброты и участия, что Мира не могла этого не заметить. С ним было легко. С ним она не чувствовала давления, давления более сильной личности... Именно этим, только сейчас Мира это поняла, он существенно отличался от Степика и Гарика.

Леша сделал ей чаю и не разрешил больше заниматься нарезкой. Они перебрасывались незначительными фразами, а за окном угасал закат. Зажглась первая звезда, мороз крепчал, заставляя потрескивать стрехи, а Рудинский с Юрьевым все не возвращались.

Когда Леша вытащил из духовки готовую курицу с картошкой, Мира предложила запечь яблоки. Она сказала: раз придут девчонки, запеченные с медом и корицей яблоки могут стать великолепным десертом. Леша живо вымыл яблоки и поставил их в духовку.

Когда в дом вошел Гарик, картина, увиденная им, заставила его нахмуриться.

Леша и Мира плечом к плечу сидели у духовки и увлеченно поливали яблоки медом, посыпая сверху корицей. Изумительный аромат распространялся по комнате, а сами ребята так увлеклись процессом, что не услышали, как хлопнула входная дверь.

– И что это вы здесь делаете? – шмыгнув носом, спросил Гарик.

Мира и Леша обернулись.

– Яблоки запекаем, – хором ответили они.

– Понятно. Я-то думаю, чем так вкусно пахнет!

Леша легко поднялся и отошел от газовой плиты и от Миры. Видно, в интонации Гарика он уловил ревнивые нотки.

– А где Степик? – спросила Мира как ни в чем не бывало.

– Идет, отстал немного. Наташка Степика в сугроб повалила, а сама сверху. Сейчас наш друг пытается выбраться.

Девушка засмеялась.

– Надеюсь, она ничего ему не отдала! – сказала она.

– Надеюсь! А впрочем, вот и они! – произнес Гарик, обращившись к входной двери.

Во дворе послышались смех и крики, и через минуту шумная толпа молодежи ввалилась в дом.

По их раскрасневшимся веселым лицам стало ясно, что розетку у Наташкиной бабки починили весьма продуктивно и там же на месте это дело обмыли.

– Лешка, привет! Ох, как пахнет! Ребят, ну давайте уже раздеваться и накрывать стол, что ли? – закричала Наташка, появившись в кухне. Раскрасневшееся круглое лицо, блестящие глаза, широкая улыбка, массивная фигура и меховая шапка делали ее похожей на героиню какой-то полузабытой старой сказки.

Завидев Миру, Наташка помахала ей обеими руками в знак приветствия. Мира улыбнулась и ответила тем же.

– Хочешь, помогу тебе накрыть на стол? – обернулась Мирослава к Леше. – Мне кажется, эта компашка уже несколько неадекватна, вряд ли от нее будет какой-то толк.

– Мне тоже так кажется, – улыбнулся Леша. – Гарик, ты чего стоишь? Давай раздевайся и носи посуду. Будем стол накрывать! – сказал ему Поляков и, приблизившись, шутливо ткнул локтем в бок.

Гарик так же шутливо согнулся, будто получил сильный удар, и попробовал ответить Леше тем же, но тот быстро увернулся и засмеялся.

Мира засмеялась тоже и тряхнула головой. Ребята вели себя как дети.

Глава 9

Веселье в доме у Поляковых продолжалось до позднего вечера. Ребята ели, пили, смеялись, говорили, прикалывались, шутили, подтрунивали друг над другом и флиртовали. Мира тоже была с ними и в то же время как бы отсутствовала. Сидя в сторонке, подперев ладошкой щеку, она будто со стороны наблюдала за всеми, смеялась над глупостями, которые несла Наташка, войдя в кураж, слушала смешные истории, которые умело рассказывала Маринка, и подробности любовных походов Ани, которыми та, подвыпив, делилась.

Только Ирина молчала.

Миру удивляли ее отчуждение и молчаливость и то, что она не участвует в общем веселье. Что она вообще здесь делает? Зачем приходит, если ей не интересно? Более того, что-то в изгибе ее губ и в выражении глаз говорило о презрении, которое она испытывает, глядя на остальных. Мирослава заметила это еще в лесу, когда жарили шашлыки, и вот теперь снова...

Ирина не нравилась Мира. Именно она могла быть тем самым «засланным казачком», который передавал информацию Вадиму. Конечно, внешность обманчива, однако представить в подобной роли Аню, Маринку, а тем более Наташку не получалось.

И это добавляло загадок. И усиливало сомнения и терзания.

Ирина была умной, симпатичной взрослой девушкой с несколько завышенной самооценкой и аристократичными манерами городской жительницы. Что ее могло связывать с Вадимом, Мирослава не представляла. Но что-то же связывало, раз она согласилась шпионить за ними или за ней. А может, Степик прав? Может, Вадим в самом деле рассмотрел в Мире слабое звено Старых Дорог и решил за все отыграться? Возможно, всей деревне он и не причинил бы особого вреда, но Рудинскому и компании – точно.

Возникшие мысли немного омрачили романтический образ героя, коим ночью сознание Миры наделило мужчину. Улыбка сбежала с лица девушки, и стало холодно и неудобно. Захотелось домой, захотелось забраться в кровать, задернуть занавеску, спрятавшись ото всех, уткнуться лицом в подушку, поплакать и забыть навсегда хутор, Вадима и всю эту историю.

Расстроившись, Мирослава не сразу обратила внимание на одну существенную вещь: по-настоящему пили только Наташка, Маринка и Аня. Ирина вообще не пила, разве что чай, а парни, причем все трое, лишь прикидывались выпившими. На самом деле они почти не прикасались к спиртному, время от времени обмениваясь взглядами, которые, безусловно, что-то значили. И как только суть происходящего дошла до Миры, идти домой сразу расхотелось.

Она понимала, что если парни что-то и замышляют, то это непосредственно связано с хутором. Они знают или догадываются, что Вадим приходит с хутора, и наверняка собираются подстеречь его. Их трое, а Вадим один, и не важно, что они уже не дети. Парни уверены: он опять что-то затевает, и полны решимости выяснить, что именно, причем выяснить любым способом. Но ей-то известно: Вадим не ищет столкновений с ребятами. Он даже не догадывается, какой опасности подвергает себя, приходя в деревню.

Вечер вмиг утратил всю свою прелесть. Девушка ощутила напряженность, исходившую от ребят и весь вечер витавшую в воздухе.

Когда они под благовидным предлогом по одному прошли в кухню, Мира, соскользнув с кресла-качалки и стараясь ступать бесшумно, последовала за ними. Прижавшись к стене, рядом со входом в кухню, затаила дыхание, пытаясь услышать то, о чем говорят.

Говорили они приглушенно, а Наташка ржала, как лошадь... И все же кое-что из сказанного девушка смогла слышать, и это подтвердило ее подозрения. Ребята были трезвыми и собирались на хутор. Понятно, что у них созрел некий план и им нужно было избавиться от девчонок, особенно от Наташки, которая могла заартачиться.

Мира на мгновение закрыла глаза и сжала ладони в кулаки. Она поняла, что ей необходимо опередить ребят и, пробравшись на хутор, предупредить Вадима. Но понимала де-

вушка и другое, то, с чем ночью пыталась бороться, в чем безуспешно хотела убедить себя и оправдать. Это было предательством, которое камнем ложилось ей на сердце. Но она сказала себе: «В последний раз!» Степик ничего ни когда не узнает, а она все забудет.

Развернувшись, Мира собиралась проследовать в комнату и столкнулась с Ириной.

Она не слышала, как та вышла и как долго стояла в дверях, но это не особенно волновало. Мира была уверена, даже если Ирина и видела, что она подслушивает, все равно никому не расскажет. Встретившись на мгновение с ее взглядом, Мира просто прошла мимо, не проронив ни слова.

Когда Мирослава засобиравалась, ребята ее удерживать не стали, но отпустить одну не могли, и Гарик отправился провожать. Мира, в общем-то, в провожатом не нуждалась, домой она и не думала заходить, но спорить не стала. Ребята, отправляясь на хутор, будут уверены, что она спокойно спит в своей кровати. Так даже лучше. Они ни в чем не смогут ее заподозрить.

От мороза трещали деревья. Девушка ежилась, чувствуя, как холод моментально забирается под одежду. Гарик тоже, идя рядом, то и дело шмыгал носом, засунув руки в карманы куртки. Мира сразу хотела сказать ему, что ее не стоит провожать. Подумаешь, большое дело – пройти пять домов. Но парни, конечно, считали, что расстояние и в один дом может быть опасным для нее. И она промолчала, понимая, что Га-

рик все равно не отстанет.

Остановившись у бабушкиного дома, Мирослава обернулась, собираясь проститься с парнем и, пожелав ему спокойной ночи, забежать во двор.

– Мира, подожди, не убегай так сразу, – нарушив молчание, Гарик тронул ее за рукав куртки.

– Ой, Гарик, холодно как! – посетовала девушка, ежась.

– Я не задержу тебя надолго, – Гарик полез в карман и достал сигареты. Прикурив, затянулся, выпустил дым в сторону. – Просто хочу сказать, спросить... Как ты относишься ко мне, Мира?

– Хорошо отношусь! Ты классный парень! Честно говоря, до знакомства с тобой и Лешей я вообще думала, что нормальных парней нет, хотя все мои познания ограничиваются одноклассниками! А они такие придурки, если б ты только знал! Ну, я побежала, ладно? Ног уже совсем не чувствую! – щебетала девушка без остановки, а потом махнула Гарику на прощание рукой и побежала к калитке, смешно размахивая руками и боясь упасть.

Гарик поднял руку, собираясь остановить ее, что-то сказать, но Миры уже и след простыл. Он усмехнулся, отбросил недокуренную сигарету и, засунув руки в карманы, пошел, сутулясь, обратно.

Мира вбежала во двор, поднялась на крыльцо и прижалась к входной двери, переводя дыхание. Дом был темен. Бабушка наверняка спала. Постояв так с минуту, девушка вы-

глянула из-за стены и, увидев, что Гарик ушел, осторожно ступая, сошла со ступеней и по узкой дорожке побежала к огороду, решив пробираться к хутору невидимыми тропками, теми самыми, по которым однажды уже шла с Вадимом. Бежать к хутору по дороге было опасно. Она могла кого-нибудь встретить, а это нежелательно.

Она пробиралась по сугробам, проваливалась, падала, поднималась и упорно продолжала идти. Заснеженная громада леса становилась все ближе. Мира чувствовала, что взмокла от ходьбы и напряжения.

Снег, скрипевший под ногами, пугал ее, а приближающийся лес беспокоил. Визуально она представляла: сейчас войдет в лес, пойдет прямо и скоро выйдет к хутору. Но представить проще, чем пройти. Мира боялась заблудиться. К тому же она не знала, что ждет ее на хуторе. Она не знала, где вообще Вадим. Не знала, что задумали ребята. И в лесу могли быть волки...

Но о зверях Мира старалась не думать, упрямо пробираться по сугробам. Только бы добраться до хутора, успеть предупредить Вадима, предотвратить беду, а все остальное не важно... Вадим уедет. Все встанет на свои места.

Когда деревья укрыли Миру, она вздохнула с облегчением и постаралась сосредоточиться.

Опасность подстерегала ее за каждым кустом и деревом, но Мира не думала о ней. С каждым шагом хутор становился ближе, а сердце билось сильнее, стоило лишь подумать, что

скоро она увидит Вадима.

Вот уже и лес поредел. Мира ускорила шаг. Конечно же, упала, поднялась и, не отряхиваясь, пошла вперед быстрым шагом. И едва не застонала от разочарования, отчаяния и обиды, когда увидела темные окна в доме. Несколько минут Мира стояла, не двигаясь, не желая верить в то, что он уехал. А вдруг Ирина смогла узнать куда больше, чем Мира предполагала, и еще засветло предупредила Вадима о планах ребят? Неужели он так спешно покинул хутор, даже не попрощавшись с ней? Неужели уехал навсегда? Неужели она больше никогда его не увидит?

Закусив нижнюю губу, Мира побрела к дому. Медленно обойдя его по кругу, безумно надеясь отыскать хоть какое-то послание, подергала калитку, которая, естественно, была заперта, всполошив при этом собаку, и так и осталась стоять у калитки в совершенной растерянности. Чувствовала, как слезы обиды жгут глаза и вот-вот покатятся по щекам горячими струйками.

Вдруг уловила какое-то движение в лесу, со стороны деревни. Испуганно вздрогнув, сделала шаг назад и прижалась к калитке.

«Волки!» – мелькнула мысль, и сердце от страха провалилось куда-то вниз.

Отступая шаг за шагом, стараясь производить как можно меньше шума, девушка завернула за угол дома и, не разбирая дороги, прямо по сугробам бросилась к лесу. Зашелся в лае

Вулкан, а потом вдруг завыл.

Она не сомневалась, припомнив сразу все истории о хуторе и его обитателях, что там, за соснами, не иначе, бродят духи леса... Собака не могла так страшно выть, учуяв человека или зверя...

Запыхавшись, тяжело дыша и чувствуя, что сердце вот-вот разорвется от страха и бега, Мира остановилась. Согнувшись, пыталась отдышаться. Внезапно услышала, как под чьими-то шагами поскрипывает снег.

Девушка выпрямилась и стала озираться вокруг. Бежать не было сил, кричать и звать на помощь, в общем-то, бесполезно.

Лес обступал ее со всех сторон. Она уже не знала, где хутор, где деревня. Звук приближающихся шагов становился все ближе. Вот он замер за ближайшей сосной с поникшими до земли заснеженными ветками. Девушка зачарованно смотрела, как задрожала ветка и легким серебром посыпался снег, будто от чьего-то легкого прикосновения или дыхания.

Открыв рот в немом крике, Мира сорвалась с места и рванулась вперед. Почти в тот же момент кто-то обхватил ее сзади рукой, прижал к себе и зажал ей рот ладонью.

– Вот ты и попалась! – шепнул на ухо до боли знакомый голос, а щеку обожгло горячее дыхание.

Девушка крепко зажмурилась, тщетно пытаясь сдержать слезы, но они все равно выкатились из-под ресниц и теплыми каплями упали Вадиму на ладонь.

– Эй, ты что, плачешь? – мужчина отнял ладонь от ее лица и, положив руки ей на плечи, заставил обернуться.

– Нет, – тряхнула головой Мира.

– Ври больше, – с улыбкой сказал Вадим и прижал ее к себе.

Девушка прильнула щекой к ледяной, твердой ткани его куртки и закрыла глаза, чувствуя, как душу заполняют радость и облегчение.

Он не уехал, не бросил ее. Он снова рядом.

– Испугал тебя? Что ж за напасть такая, а? Что же я тебя вечно пугаю? – улыбаясь, негромко говорил он, глядя Миру по голове, как маленькую, и не спешил выпускать ее из своих объятий. – Но и ты тоже хороша, между прочим! Что за привычка такая бегать ночью по лесу? Ты знаешь, Мирослава, у меня вообще большие сомнения на твой счет! Вот в деревне все считают, что на хуторе нечистая сила обитает, а я думаю, а не лесная ли нимфа приходит каждую ночь к моему дому?

Забыв все свои страхи и недавние слезы, забыв все слова, которые собиралась сказать, забыв даже о цели своего визита, Мира засмеялась.

И только после этого Вадим разжал объятия и отступил на шаг.

– Вот так-то лучше! А теперь расскажи-ка мне, что тебя так испугало?

– Собака завывала... Ужасно так...

– Ну, это Вулкан от тоски! – со свойственной ему беспеч-

ностью сказал Вадим. – Скучно ему. А уж когда деревенские собаки поднимают лай, знаешь, как он начинает подвывать? Определенно, пора увезти его отсюда. Одичает пес совсем.

– Мне почудилось какое-то движение в лесу. Кажется, это был волк!

– Возможно, так что давай-ка выбираться отсюда. Ты небось замерзла. Пойдем, провожу тебя домой!

Мира послушно кивнула и пошла за ним. Как странно, но в его присутствии все ее страхи отступали. С ним она могла бы бесконечно бродить по заснеженным чащам, пробираться через бурелом и сугробы. С ним ей не страшны ни морозы, ни волки, ни духи, кружившие над миром в эти волшебные рождественские ночи. И уже неважно, кто он и зачем прячет лицо под капюшоном...

– Я думала, вы уехали. Окна в доме были темными. Где вы были? – спросила девушка, нарушая молчание, воцарившееся между ними.

– Гулял. Не спится мне здесь что-то совсем! Вот я и гуляю по окрестностям в надежде встретить девушку с необыкновенными глазами, – он засмеялся. – И вообще, перестань называть меня на «вы», я от этого чувствую себя совсем старым!

– Хорошо, – легко согласилась девушка, не будучи, однако, уверенной, что сможет запросто говорить ему «ты».

Выбравшись к хутору, они перешли большую поляну и снова ступили под сень деревьев. Мира, следующая за Вадимом,

мом, шла, озираясь по сторонам, и едва не наступала ему на пятки, даже наступила пару раз.

Мужчина лишь посмеивался тихонько над ее страхами, но ничего не говорил. Девушке было стыдно за собственную трусость, но еще слишком живо было ощущение страха, которое она испытала недавно...

Вдруг Вадим остановился. Мира, налетевшая на него и явно не ожидавшая этого, слабо вскрикнула и чуть не упала. Но мужчина резко обернулся, схватил ее за руку и потащил по сугробам куда-то в глубь чащи.

Мирослава, решив, что где-то впереди Вадим увидел волка, вцепилась в его руку обеими своими руками и ежесекундно оборачивалась назад, ожидая погони. Стоило лишь представить голодного зверя, который, возможно, уже учуял добычу и...

Шагнув за большую раскидистую сосну, Вадим остановился.

Мира обернулась и потянула его за рукав куртки.

– Пойдем скорее, пойдем! Зачем ты остановился? Думаешь, он отстанет? Наверное, он учуял меня раньше, а теперь ждет... – сбивчиво зашептала она.

– Тихо! – перебил ее Вадим.

И Мира замолчала.

Вадим, чуть опустив ветку, укутанную снегом, стал что-то высматривать впереди.

Ничего не понимая, Мира стояла, съезжившись, и пыта-

лась не дрожать.

А потом вдруг услышала, как скрипит снег под чьими-то крадущимися шагами.

– Мне показалось или по тропинке действительно кто-то шел? – донесся до Мирославы негромкий мужской голос, по которому, к своему ужасу, она узнала Степика. И сразу вспомнила то, зачем сюда шла, что собиралась сказать.

– Он? – только и спросил Гарик.

– Возможно, – отозвался Леша. – Гляньте-ка сюда. Следы. Кто-то уходил от тропинки. Уходил не один. Следы большие и маленькие. Предположительно, мужские и женские.

– И на хуторе темно.

– Вряд ли он уехал. Бродит где-то здесь. Знать бы еще с кем!

– Пройдемся по следам? Или облаву устроим? – предложил Леша.

– Нет, он нам и так попадетсЯ! – усмехнувшись, сказал Степик.

То ли в морозном воздухе слышимость была особенная, то ли тишина стояла в лесу такая, что голоса были за версту слышны, то ли ребята были очень близко... Мира понимала: еще немного и она, позабыв обо всем на свете, бросится в панике в лес. Голодные волки, подстерегающие ее, конечно, ужасны, но если ребята обнаружат ее здесь или, вернувшись домой, брат не найдет ее спящей, беды не миновать.

Ребята не дураки. Они быстро обо всем догадаются. И то-

гда страшно представить, что произойдет.

Ей нужно уходить! Но куда и как? Она ведь по-прежнему не представляет, что задумали парни!

Протянув руку, Мира коснулась куртки Вадима. Тот обернулся.

– Мне нужно уходить, – шепнула девушка.

– Они сами сейчас уйдут, – ответил он.

В этом Мира сомневалась. В отличие от Вадима, она слишком хорошо знала своего брата.

– Они что-то задумали. Собственно, я и пришла на хутор, чтобы сказать тебе, что у них есть план, который, возможно, сегодня ночью они и собираются осуществить! Им не нравится, что ты зачем-то приходишь в деревню!

– Какой план?

– Я не знаю, но оставаться здесь тебе нельзя... Уезжай отсюда! – голос Миры дрогнул. И Вадим слишком отчетливо распознал в нем страх. Страх за него.

Сердце мужчины вдруг сжалось от бесконечной нежности к этой юной, хрупкой девочке. Девочке, глаза которой так притягивали его и завораживали.

Тогда, в автобусе, несколько дней назад, когда он впервые увидел ее, она даже не обратила на него внимания. Скользнула мимолетным взглядом и почти сразу отвернулась. Всю дорогу до Старых Дорог просидела у окошка, лишь иногда оборачиваясь, чтобы взглянуть на очередного вошедшего пассажира. А он всматривался в ее профиль, в бледность ее щек...

Вадим услышал совершенно случайно, как она объясняла какой-то бабушке, чья она дочка и к кому едет в гости.

Он вышел из автобуса, не доезжая Старых Дорог, и до хутора дошел пешком. Ему совершенно не хотелось лишний раз светиться в деревне. План в его голове созрел моментально. И он был на удивление прост. Правда, исполнить его в одиночку он не мог, нужен был сообщник, но и с этим проблем не возникло. Уже на следующий день он знал: в деревне собрались все действующие лица давней истории. Их всех будто специально жизнь здесь свела. Вадим понял: другого случая может и не представиться. Он решил действовать наверняка. Еще в автобусе понял то, о чем догадался Степик, увидев свою родственницу похорошевшей и повзрослевшей. Мира как раз то слабое звено в Старых Дорогах, через которое он сможет отомстить всем. Оставалось лишь сблизиться с ней. Удача явно сопутствовала Вадиму. К тому же Мира, оказавшись весьма любопытной, как будто сама шла в поставленную ловушку. Конечно, он мог бы выловить Степика и Лешу по одному и отделать, как следует, и это, возможно, больно ударило бы по самолюбию ребят, но не удовлетворило бы его собственного.

Вадим вынашивал план мести, а сердце решило по-своему. Затеяв увлекательную игру и подогревая любопытство девушки, Вадим тем самым толкал ее к пропасти. А сам хотел видеть ее, слышать голос ее и смех.

В последние годы, в свои нечастые приезды на хутор, он старался держаться вдали от деревни и ее обитателей. Но в тот день, вернее, ночь, вопреки всем здравым доводам, отправился в деревню, чтобы увидеть дом, куда в гости приехала эта девочка. Приблизительно он знал, кто и где живет в Старых Дорогах.

Это было наваждением. Чем-то из ряда вон выходящим, но он хотел снова видеть ее необыкновенные глаза. Ему безразличен был ее возраст. И после первой встречи последовала вторая... Вадим вынашивал план мести, но уже чувствовал, что потерпел поражение. Рядом с ней он не мог быть холодным, равнодушным, безжалостным злодеем. Рядом с ней было легко и хорошо. С ней хотелось смеяться и радоваться самым обычным и простым вещам.

Юношеские порывы его души остались позади, желание видеть ее, говорить с ней, касаться не находило объяснения. И совершенно не вписывались в стандартные рамки отношений с противоположным полом. Она была такой тоненькой и хрупкой, почти невесомой, какой-то бесплотной, а в лунном свете и вовсе нереальной. Он знал, что эти встречи под холодной луной в зимнем лесу не сможет забыть никогда...

– Не волнуйся, я буду осторожен, – после секундного молчания произнес Вадим.

– Ты не уедешь?

– Нет.

– Я не приду больше, – помолчав немного и словно соби-

раясь с силами, сказала Мира. – Это не честно по отношению к ребятам. К Степику. Да, я знаю, они не ангелы, но... Лучше положить этому конец и все забыть. К тому же все равно это ни к чему не приведет... Ты так и останешься лишь ночной тенью... А я так и буду изводить себя вопросами, ответы на которые ты мне все равно не дашь... А ведь мы могли бы стать друзьями. Мы могли бы общаться! К чему все вот так? – вырвалось у нее.

– Друзьями? – Вадим усмехнулся. – Вряд ли это возможно! Я себе нашу дружбу представляю с трудом! К тому же ты все равно скоро уедешь...

– Но я приеду еще потом! – жарко зашептала девушка, цепляясь за безумную надежду. – И мы могли бы перезвониваться. Что в этом плохого?

– Нет, – с улыбкой сказал Вадим. – Ничего плохого в этом нет, но и смысла я тоже не вижу! О чем мы будем с тобой разговаривать по телефону? О погоде? О школьных занятиях и близящихся экзаменах? Или, еще лучше, о мальчиках-одноклассниках?

Его слова больно укололи девушку.

– Ну да, конечно, проще прятать лицо под капюшоном и, напустив загадочности, изображать из себя таинственного незнакомца! – на одном дыхании выпалила Мира.

– Вот и поговорили! – заключил Вадим. – Пойдем, я провожу тебя домой!

Он не стал выходить на тропинку, опасаясь встречи с пар-

нями. К дороге они пробирались по сугробам. Там же в лесу перебрались через безымянную речку, скованную льдами. Шли молча, то и дело оглядываясь. Вернее, оглядывался Вадим, все же понимая, какой опасности подвергается, приближаясь к деревне. А Мира смотрела прямо перед собой и чувствовала, как с каждым шагом идти становится труднее. Ей хотелось заговорить, но она не знала, что добавить к сказанному, и, кусая губы, понимала, что так будет лучше, вот только все внутри противилось этому.

У первого же дома Вадим остановился, Мира, не сбавляя шага, обернулась напоследок и пошла дальше.

Глава 10

В ту ночь Мира плохо спала. Ворочалась с боку на бок и прислушивалась к звукам в тщетной надежде услышать шаги за стеной дома. Однако ночь была молчаливой, и луна заливала окрестности призрачным светом.

Степик, вернувшись утром, аккуратно к завтраку, может быть, и заметил темные круги под глазами сестренки и ее молчаливость, но особого значения этому не придавал...

Полночи он с друзьями рыскал по лесу близ хутора, воплощая в жизнь свой хитроумный замысел и проклиная обитателя хутора.

Парни замерзли до чертиков, а потом почти до утра грелись у Поляковых, добавляя водку в чай. Подремав пару часов, Рудинский побежал домой, зная наверняка, что бабушка будет волноваться, а Гарик и Леша продолжали спать. Может быть, еще и поэтому Степик не заметил подавленного состояния Мирославы.

А Мирослава...

К вечеру обида и злость на Вадима прошли, желание снова слышать его, разговаривать с ним, просто быть рядом становилось сильнее. Она боялась поднять на Степика глаза, боялась, как бы он не увидел в них слезы...

Ей нестерпимо хотелось бежать к хутору, затеряться в заснеженной чаще и снова повстречать его. И все же она не

осмелилась покинуть дом.

Вечером пожаловали Юрьев и Поляков, но отчего-то не получилось у них задушевно посидеть. Мира, задернув занавеску, сидела на кровати и вертела в руках подаренный сувенир, не имея ни малейшего желания выходить к ребятам и общаться с ними. Да и у них не клеился разговор. Степик был рассеян, Гарик через каждые пару минут выходил курить в сени, пока баба Нина не разрешила ему курить у печи, чтобы не выстуживать дом, а Леша просто молчал.

– Так я что-то так и не понял, что такого вчера произошло, и отчего Наташка убежала от нас как ошпаренная? – заговорил вдруг Гарик, выкурив очередную сигарету и подсаживаясь к столу, за которым Степик от нечего делать тасовал карты. Понятно было, играть никто не собирался, но руки чесались.

– И мне интересно, – поддержал Гарика Леша. – Мы даже не представляли, как вообще отправить ее домой! А тут вылетела из кухни, как фурия, и унеслась.

– Между прочим, поэтому и сидим сейчас одни, – продолжил Гарик. – Девчонки не звонят и, видимо, не думают звонить. Давай, колись, товарищ Степик!

– Да отвалите вы! У нее спросите, я-то откуда знаю, что на нее нашло! – отмахнулся Рудинский.

– Ну, у нее мы, конечно, не спросим, а вот сорока на хвосте принесла, что ты, оказывается, на кухне обнимался с Ириной! Она, раскрасневшаяся и явно смущенная, вылетела

следом за Наташкой и почти сразу ушла домой...

– Какая сволочь уже распустила язык? – вскочил со стула Степик. – Гарик! Что, Маринка уже успела поделиться своими буйными фантазиями? Нет, ну надо же иметь такое воображение... – искренне возмутился он.

Но Юрьев, давно привыкший к подобным вспышкам, даже бровью не повел.

– Ты что, к Ирине подкатывал? Слушай, она странная девушка и на короткую интрижку не согласится. Тусил бы с Наташкой...

– Вот я еще у тебя буду спрашивать, с кем мне тусить! – огрызнулся Рудинский.

– Нет, ну ладно, с девчонками все понятно. В обиде. А с Мирой что? – спросил тогда Гарик.

Леша быстро глянул на него и отвернулся к окну.

– А Мира сидит за грубкой и не желает разбавить наше мужское одиночество!

– А что случилось? Ты чё, обидел ее, что ли? – насторожился Гарик.

– Нет, почему сразу обидел? Не знаю я, чего она там сидит, но вот сидит! – развел руками Рудинский.

– Предупреждая дальнейшие вопросы, отвечаю: я читаю «Мастера и Маргариту», нам в школе на каникулы задали! – откликнулась из-за грубки Мира, предполагая, что Гарик может заглянуть к ней за занавеску и пристать с вопросами.

Конечно, она не читала, не могла читать, просто сидела,

прижав колени к груди и обхватив их руками, ждала неизвестно чего. Все ее мысли занимал Вадим. Только о нем она могла думать.

Рядом на кровати лежал подаренный им сувенир, и она всматривалась в него, как в магический шар, в надежде увидеть в нем свою дальнейшую судьбу. Когда и как присутствие этого таинственного человека стало таким важным в ее жизни?..

И почему сейчас, забыв обо всем на свете, она с легкостью готова променять общество Степика и его друзей на короткую встречу посреди холодного, темного безмолвия с мужчиной, который, впрочем, не хотел, чтобы она видела его?..

– Мира, да брось ты этих «Мастера и Маргариту». Мы тут изнываем от тоски! Выходи к нам! Попьем чайку, в карты поиграем... – заканючил Юрьев.

– Да не трогай ты ее! – одернул его Рудинский. – Пусть читает. У нее выпускной класс, впереди экзамены!

– Сволочь ты, Степик!

– Я знаю.

И снова воцарилось молчание.

Из дальней комнаты выглянула баба Нина, почему-то удивленно посмотрела на ребят, покачала головой, потом вдруг принесла и поставила на стол початую бутылку настойки.

– Сумныя вы якіясьці, хлопцы! Во, папіце патроху ды да дзяўчат схадзіце. Чаго сядзець?

– Спасибо, баб Нина. Только «дзяўчаты» нам бойкот объявили! – шмыгнув носом, сказал Гарик.

– Чаго гэта яны?

– Не поделили!

– Угомонись, – одернул Юрьева Рудинский и потянулся к бутылке. – Лех, доставай рюмки, сейчас хлебом, и сразу веселее станет на душе.

Парни быстро распили полбутылки настойки, но веселья не прибавилось. Мира за грубкой слышала, как они обменивались короткими, ничего не значащими фразами, но все же больше молчали.

– Мне кажется, в деревне у того урода с хутора есть сообщник. Вернее, сообщница, судя по следам на снегу, – сказал вдруг Степик.

Сердце Миры екнуло в груди. Зажмурившись, она опустила голову и уткнулась лбом в колени.

– Ты так думаешь? – оживился Гарик.

– Я уверен. Если бы это было не так, мы б уже давно подловили его. И пусть в деревне бабки байки сочиняют о нечистой силе, нам-то известно, что это человек. Он не может читать наши мысли, но он знает о наших планах, он всегда на шаг опережает нас... Как будто его кто-то предупреждает!

– Но кто? У тебя есть какие-то конкретные предположения? Ты думаешь, кто-то из девчонок? Список не так уж и велик...

Да, список невелик.

Наташка? Нет, конечно же, нет. Они знакомы с детства. Дружили детьми. Гуляли подростками, а однажды едва не поженились. Причем Степик тогда был настроен весьма решительно. Конечно, он не был в нее влюблен, но пышные формы девушки могли свести с ума кого угодно. Если бы не вмешалась мать, которая мечтала не о такой невестке, он точно оказался бы окольцованным. Не факт, что брак продлился бы долго, но Степик нисколько не сомневался, что это было бы феерично, незабываемо, взрывно... Они потом расстались, но сейчас, встретившись снова, Рудинский понял: девушка не прочь продолжить отношения и она все так же влюблена в него. И он готов был поддаться ее чарам, но... Нет, Наташка не могла быть предательницей!

Да и Маринка с Аней тоже! Они ведь со Старых Дорог! Здесь родились и выросли их родители, здесь всю жизнь прожили их бабушки. Они корнями привязаны к этой земле и знали все истории, связанные с хутором. Девчонки никогда не питали симпатии к хуторским. Они не пошли бы на предательство. Более того, сразу бы все рассказали ребятам, если б только кто-нибудь с хутора подошел к ним. К тому же Маринке и Ане нравились Гарик и Леша!..

– Этого не может быть! – поддержал размышления Степика Поляков, будто прочел его мысли. – Ты сам подумай, разве Наташка или Маринка, которых мы знаем с детства, способны на такое? Ни за что не поверю.

– А Ирина? Вы ее тоже с детства знаете? – спросил Гарик.

Ирина! Да, была еще Ирина! Серьезная, утонченная, молчаливая. Ее они не знали, тут Гарик был прав. Они ее вообще не знали. Впервые видели в Старых Дорогах. Она приехала к дальней родственнице погостить на зимних каникулах. Девушка никого из них не знала тоже, познакомилась с девочками в магазине несколько дней назад. Ирина сама пошла к Маринке и, кажется, с радостью приняла приглашение присоединиться к их компании. И все же достаточно было одного взгляда, чтобы понять: новая компания чужда ей, как и все немудреные заигрывания и развлечения. Но Ирина все равно зачем-то приходила. Она не была ни веселой, ни общительной, ни кокетливой, ни легкомысленной. ореол отчужденности окружал ее. И именно это с первой же минуты почувствовал Степик. Она разговаривала с ним, когда они беседовали о чем-то действительно интересном, будучи девушкой образованной, могла поспорить, но и только. Все остальное не интересовало ее, наоборот, кажется, казалось глупым и недостойным. И Степик неожиданно обнаружил, что ему нравится Ирина. Очень нравится. Отношения с ней обещали быть куда более глубокими, много обещающими, увлекательными, долгими, такими, каких у Степика никогда не было, но оказалось, именно таких ему хотелось. Вот только Ирине совершенно не нужен был Рудинский.

Ирина – новый человек в их компании. И она, наверное, могла бы быть «засланным казачком», но поверить в то, что умная, воспитанная и утонченная девушка может пойти на

такое, Степик не мог.

– Ирина здесь ни при чем! – быстро сказал Рудинский. – Она ничего не знает ни о хуторе, ни о вечной вражде между ним и деревней, ни тем более о его обитателе, – решительно добавил.

– Тогда кто? – задал резонный вопрос Поляков.

Мира закрыла лицо руками.

«Предательница! Предательница! Предательница!» – стучало в виски.

Конечно, информацию Вадиму передавала Ирина, каким-то образом связанная с ним, но Мира поступала еще хуже...

И она знала, что Ирину простят, а ее нет.

Ее имя не было произнесено, но повисшая тишина вдруг сделалась слишком напряженной. Или девушке показалось?

– А фиг его знает! И меня это начинает злить... Но я узнаю. Круг не так уж велик, – мрачно изрек Степик.

– Мы узнаем, – добавил Гарик.

– За это и выпьем, – подвел черту Поляков.

Ночью Мирослава почти не спала. Вслушивалась в тишину, ворочалась с боку на бок и слышала, что и Степик не спит, думает о чем-то, размышляет и тяжело вздыхает.

А утром после завтрака, одевшись, Мира соврала брату, что ей нужно кое-куда по делам, и покинула дом. Предполагая, что Степик может заподозрить неладное, девушка про-

шмыгнула на огород и, прижавшись к забору, решила обождать.

Солнце только вошло над лесом. Мороз пробирал до костей, а просторы, убранные инеем, переливались розовым и золотым светом. Все застыло, замерло, уснуло: ни ворона тебе не каркнет, ни собака не залает, ни калитка не скрипнет, только к небу над домами поднимались столбы дыма. В Старых Дорогах с утра топили печи.

И там, за лесом, где стоял хутор, тоже топили печь. И там тоже медленно таял в морозном воздухе столб дыма.

И туда устремилась Мирослава. Пробравшись через соседские сады, прячась за деревьями и оглядываясь, Мира выбралась из деревни. Побежала по дороге и свернула на уже знакомую тропку.

Куда она шла? Зачем? Что двигало ею? Она и сама не знала. Вадим, конечно же, не впустит ее в дом... Он не желает, чтобы она его видела. Ладно! Пусть! Тогда она хотя бы постоит на краю леса, посмотрит на хутор и пойдет обратно...

По тропинке девушка пошла быстрее, уверенная, что никто из деревенских не встретится на пути.

Вот и замерзшая речушка. До хутора осталось немного.

Девушка стала переходить речку и вдруг, ближе к середине, почувствовала, как нога куда-то проваливается. В тот же миг тысячи ледяных иголок впились в нее. Закричав, Мира упала на лед и услышала треск. Снег вокруг потемнел от проступившей воды. Провалившись, она по пояс оказалась в

ледяном плену. Цепляясь за лед, Мира не чувствовала ног, как будто их не стало, и с ужасом осознала: еще немного и она может полностью оказаться в ледяной воде, более того, может погибнуть, оказавшись подо льдом, пальцам не за что было ухватиться. Мира не могла пошевелиться, ощущая ужасающий холод, парализовывающий волю, и чувствовала, как из глаз по щекам катятся слезы. Ее никто не спасет. Никто не поможет. А к вечеру найдут замерзшей здесь или вообще не найдут...

– Помогите! – негромко позвала она на помощь.

Рукавички намокли. Да и пуховик быстро впитывал в себя воду.

– Помогите! – прошептала она.

Где-то поблизости заскрипел снег.

– Пожалуйста, помогите мне! – в отчаянии закричала Мира и через секунду увидела темный силуэт, появившийся рядом.

Вадиму, а это, конечно же, был он, хватило мгновения, чтобы оценить обстановку и сориентироваться. Он подошел вплотную к полынье, быстро стянул с шеи шарф, один конец намотал себе на руку, другой бросил девушке.

– Хватайся за шарф! – крикнул ей.

Но Мира не шевельнулась.

– Я не могу, – прошептала она.

– Давай, Мира, давай, черт возьми! – приказал он.

Девушка зажмурилась и опустила голову. От жуткого холода у нее помутилось в голове. Был только холод, пронизывающий до костей, он сковывал ее. Казалось, еще чуть-чуть, и она превратится в одну сплошную льдину. Мира ни о чем не думала, не могла думать. Только холодно, холодно, жутко холодно... Даже то, что на помощь ей пришел Вадим, даже то, что он не прячет свое лицо, не имело значения...

– Мира, я прошу тебя, – тихо и нежно сказал он.

Мирослава оторвала ото льда покрывшиеся ледяной коркой рукавички, схватилась за край шарфа. Мужчина потянул, шарф тут же выскользнул из ее рук. Кое-как стянув заледеневшие рукавички, девушка ухватилась за шарф покрасневшими непослушными пальцами, вцепилась в него мертвой хваткой, понимая, что от этого зависит ее жизнь, и, пригнув голову, зажмурилась.

Вадим тихонько потянул. Мира почувствовала, как ее тело выползает из воды и скользит по льду. Еще немного, еще чуть-чуть, и, отбросив в сторону шарф, Вадим схватил девушку под мышки, потом в охапку, затем подхватил на руки и бегом бросился к хутору.

Вода капала с ее мокрой одежды, превращаясь в ледяные сосульки.

Обхватив руками Вадима за шею, Мира прижималась к его горячему, влажному лицу своим, не понимая, что делает. Она не видела его, она вообще ничего не видела вокруг и мало что понимала. Инстинктивно, как животное, хотела

лишь тепла, маленькую толику тепла в этом ужасающе ледяном мире...

– Мне хо-лод-но, – выстукивали ее зубы. – Бо-же, как же мне хо-лод-но...

Лесная тропка, поляна, двор за высоким забором, крыльцо – все прошло мимо сознания Мирославы. Потом долгожданное тепло...

– Нет, нет, не надо!.. – закричала девушка, когда Вадим внес ее в дом, опустил на стул и стал снимать с нее одежду, покрывшуюся ледяной коркой.

Куртка, шапка, ботинки, джинсы, носки, свитер – все полетело на пол, хоть Мирослава зачем-то и пыталась цепляться за них...

Оказавшись в одном нижнем белье, Мирослава попыталась обхватить себя руками, но и этого Вадим не позволил ей сделать. В руках его оказалась початая бутылка водки, которой он растирал ноги, руки, плечи, ступни и зачем-то даже уши девушки.

– Нет, нет, не трогай меня! Пожалуйста, не надо! – отворачивалась она, пыталась увернуться от его рук и оттолкнуть их, но мужчина, не обращая внимания ни на ее сопротивление, ни на ее состояние, граничащее с истерикой, продолжал растирать.

Кажется, Вадим тоже находился на грани истерики. Стоило лишь подумать, что бы случилось, если бы он не вышел кормить Вулкана. Если бы не услышал ее вскрик, если бы не

бросился к речушке, подозревая, что Степик и компания не просто так полночи мерзли в лесу. Они устроили ловушку ему, а в нее попала Мира...

На миг Вадим представил, что бы почувствовал Рудинский, если бы к вечеру нашел свою сестру, замерзшую в полынье, и содрогнулся. При всей своей ненависти к этим людям, он не пожелал бы им такого никогда.

Запах водки распространялся по комнате, ударял в нос, кружил голову... Растерев девушку с ног до головы, Вадим прямо из бутылки выпил остатки алкоголя, стянул с кровати плед.

Закутав Миру в него, как в кокон, Вадим отнес ее на кровать, уложил на подушки, укрыл сверху одеялом.

Тяжело дыша и чувствуя, как обманчивое тепло спиртного разливается по венам, он опустил на стул, где всего минуту назад сидела девушка, и вытер пот со лба. Вокруг были разбросаны Мирины вещи, которые, оттаяв в тепле, теперь были просто мокрыми...

Паника и страх постепенно отступали. Руки перестали дрожать, мысли прояснились в голове...

Следовало немедленно развесить ее вещи у печки-голландки и сделать все возможное, чтобы они поскорее высохли. Где-то должен быть старый уют, его тоже можно использовать. Ей нужно вернуться домой. Вадим поднялся со стула, собрал с пола одежду и вышел из комнаты.

Девушка дрожала всем телом, и, кажется, даже кровать

под ней тоже дрожала. Не решаясь открыть глаза, она чувствовала, как произвольно по щекам бегут и бегут слезы. И остановить их не хватает сил.

Она ведь могла умереть, могла запросто замерзнуть там. Много времени для этого не понадобилось бы... Если бы Вадим не спас ее... И все же она не решалась открыть глаза, чтобы наконец увидеть его. Боялась ли разочароваться? Нет, все еще оставляла себе путь к отступлению, хоть и понимала – поздно, слишком поздно.

Мира слышала его дыхание, шаги, вздохи и, понемногу согреваясь, чувствовала, как проваливается в спасительный сон.

Она открыла глаза и непонимающе уставилась в окошко, завешанное занавеской, украшенной узорами, подобно тем, что мороз рисует на окнах. Предзакатное солнце, садясь за лес, проникало в комнату багряными лучами, которые отражались в золотистой «вагонке», коей были обшиты стены и потолок. В комнате пахло чем-то незнакомым и было тепло. Мире тоже было тепло. Она лежала не шевелясь, и медленно обводила глазами комнату: красивый абажур под потолком, мерцающую лампадку в углу под образами, рамки со старыми черно-белыми фотографиями, круглый стол у окна, застеленный льняной скатертью, на нем самовар, вокруг стола деревянные стулья, чуть дальше печка-голландка, украшенная резцами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.